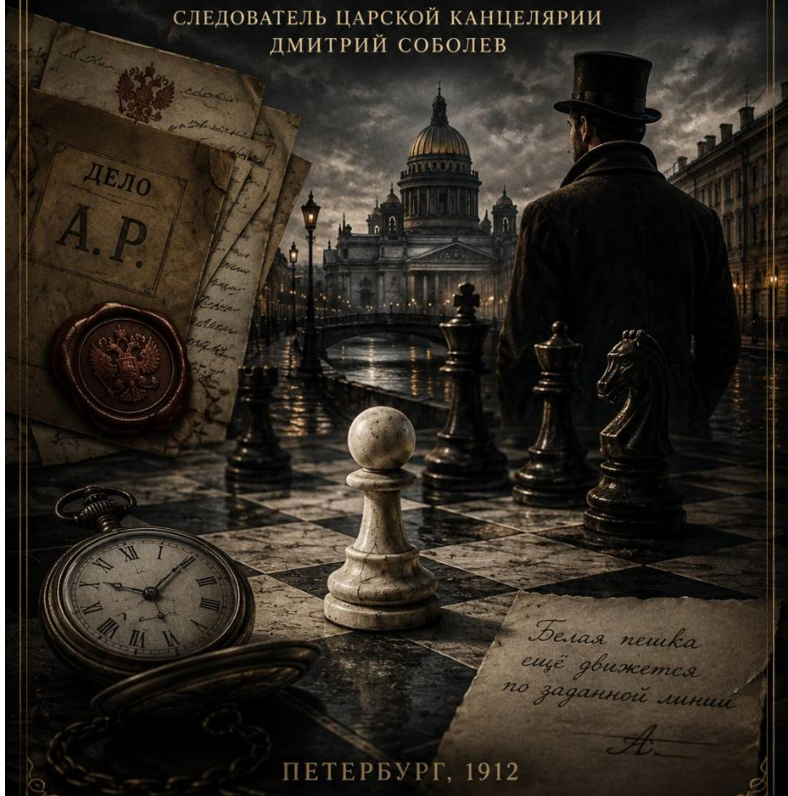

ВЛАД ГЕНДЕЛЕВ

БЕЛАЯ ПЕШКА

СЛЕДОВАТЕЛЬ ЦАРСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ
ДМИТРИЙ СОБОЛЕВ

ПЕТЕРБУРГ, 1912

Влад Генделев
Следователь царской
канцелярии Дмитрий
Соболев. Книга 3. Белая пешка
Серия «Следователь Царской
Канцелярии Дмитрий Соболев», книга 3

<https://litres.ru/74308699>

SelfPub; 2026

Аннотация

Санкт-Петербург, 1912 год.

Во время приёма в богатом особняке находят убитым человека. Комната заперта, свидетели уверяют, что никто не мог войти или выйти, а среди вещей покойного обнаруживается странная улика — белая шахматная пешка.

Расследование поручают следователю Царской канцелярии Дмитрию Соболеву. Вскоре становится ясно: убийство — лишь первый ход в партии, начатой много лет назад. Старые архивы, исчезнувшие документы, загадочные смерти и люди, скрывающиеся за чужими именами, ведут Соболева к тайному эксперименту, участники которого научились управлять человеческими решениями.

Но кто в этой партии игрок, а кто всего лишь фигура?

Чем ближе Соболев подходит к разгадке, тем страшнее становится подозрение: расследование с самого начала шло именно туда, куда его направляли.

И белая пешка уже сделала первый ход.

Влад Генделев

Следователь царской канцелярии Дмитрий Соболев. Книга 3. Белая пешка

«Белая Пешка»

Пролог

Санкт-Петербург. Январь 1891 года.

— Он признался?

Следователь молча снял перчатки и положил их на край стола.

В кабинете судебного следователя было холодно. Несмотря на жарко натопленную печь, сырость старого здания проникала даже сюда, заставляя пламя керосиновой лампы едва заметно подрагивать.

За окном шел мокрый снег.

На столе лежало раскрытое уголовное дело.

Толстая папка с перевязанными тесемками.

На обложке — только номер.

Без фамилий.

Без названий.

Человек у окна медленно повернулся.

— Значит, признался?

— Да.

— Добровольно?

— Нет. После того как увидел последнее доказательство.

Молчание.

Человек у окна подошел к столу. Высокий. Худощавый. В темном сюртуке.

Лица почти не было видно. Лишь длинные тонкие пальцы неторопливо перелистывали страницы дела.

— Любопытно... — произнес он наконец.

— Что именно?

— Люди всегда признаются не тогда, когда чувствуют вину.

Он поднял взгляд.

— Они признаются тогда, когда перестают видеть смысл сопротивляться.

Следователь устало опустился в кресло.

— Завтра дело передадут прокурору.

— Нет.

Следователь нахмурился.

— Что значит — нет?

Незнакомец спокойно закрыл папку.

— Завтра его закроют.

— Вы с ума сошли?

— Напротив. Я слишком хорошо знаю эту систему.

Следователь резко поднялся.

— Здесь достаточно доказательств для смертного приговора.

— Именно поэтому процесса не будет.

Молчание затянулось. Где-то далеко пробили часы. Незнакомец неожиданно улыбнулся.

Не злорадно. Почти печально.

— Вы еще очень молоды. Вы верите, что следствие ищет истину.

Нет. Следствие ищет решение. Это разные вещи.

Следователь ничего не ответил. Он был слишком уверен в своей правоте.

— Через неделю, — продолжил незнакомец, — вам сообщат, что обвиняемый освобожден.

Через месяц исчезнут два свидетеля. Через год никто уже не вспомнит, что этот человек вообще существовал.

Следователь усмехнулся.

— Если это произойдет, я уйду со службы.

Незнакомец медленно надел перчатки.

— Нет. Вы останетесь. Потому что именно такие люди всегда остаются. Уходят другие.

Он направился к двери. Уже взявшись за ручку, остановился. Не оборачиваясь, сказал:

— Запомните одну мысль. Самое совершенное преступ-

ление — то, которого никто не совершал.

Дверь закрылась. Следователь еще долго смотрел ему вслед. Потом перевел взгляд на папку.

Машинально развязал тесемки. Первый лист исчез.

Он был уверен, что несколько минут назад видел его.

Следователь перелистал все дело. Нет. Листа действительно не было.

В коридоре слышались шаги. В кабинет вошел прокурор.

— Поздно работаете.

Он посмотрел на бумаги.

— Завтра это дело отправят в архив.

Следователь поднял голову.

— А обвиняемый?

Прокурор отвел взгляд.

— Получено распоряжение сверху. Дело прекращается.

По отсутствию достаточных доказательств.

Следователь медленно опустился в кресло. Он хотел возразить. Но не смог.

Перед ним лежала папка. Без единственного листа, на котором еще час назад находилось главное доказательство.

Он впервые понял, что истину можно убить не только ножом.

Именно в этот момент где-то в глубине длинного пустого коридора раздался негромкий смех.

Следователь вскочил и выбежал за дверь. Коридор был

пуст.

Лишь на подоконнике, возле занесенного снегом окна, лежала белая шахматная пешка.

Глава I. Человек, умерший дважды

«Иногда ложь начинается не с неверного слова, а с правильно указанного времени».

Из записок судебного следователя А. Р., 1893 год
Санкт-Петербург. Март 1912 года

Старые карманные часы не шли тридцать семь лет.

Так, по крайней мере, уверял торговец с Апраксина двора, продавший их Дмитрию Петровичу Соболеву минувшим воскресеньем. Заодно он сообщил, что часы принадлежали капитану дальнего плавания, пережили кораблекрушение у берегов Испании, пожар в Марселе и однажды упали с колокольни в Ревеле.

Соболев не поверил ни в кораблекрушение, ни в Марсель, ни в колокольню.

Часы всё же купил.

Они были хорошей швейцарской работы. Серебряный корпус сильно пострадал: на крышке темнела глубокая вмятина, белый эмалевый циферблат пересекала тонкая трещина. Минутная стрелка застыла между четырьмя и пятью, часовая не доходила до десяти.

В тот вечер Соболев сидел за небольшим верстаком у окна и через часовую лупу рассматривал открытый механизм.

За стеклом медленно падал мокрый мартовский снег. Петербург растворялся в серой мгле. В камине потрескивали берёзовые поленья.

В комнате тикали шесть часов.

Каждые по-своему.

Старые настенные над книжным шкафом слегка отставали. Соболев намеренно не исправлял их. Они принадлежали отцу и отставали ещё при его жизни.

Седьмые часы лежали перед ним.

Мёртвые.

Соболев снял пинцетом мост баланса.

Между зубцами колеса обнаружилась крошечная металлическая стружка.

Вот и причина.

За спиной тихо звякнул фарфор.

Алексей Степанович поставил на край стола чашку чая и тарелку с холодной телятиной.

Камердинеру было около шестидесяти. Он служил у Соболева давно и обладал редким даром — умел заботиться, не превращая заботу в надзор.

Он посмотрел на раскрытый механизм.

— Нашли?

— Думаю да.

— Вчера вы тоже думали.

— Вчера ошибался.

— Это обнадеживает.

Соболев поднял глаза.

— Почему?

— Значит, вы ещё способны это признавать.

Соболев едва заметно улыбнулся.

— Вы становитесь дерзким, Алексей Степанович.

— Возраст.

Камердинер кивнул на тарелку.

— И поешьте.

— Позже.

— Телятине всё равно. Мне нет.

Соболев взял кусок хлеба, скорее чтобы закончить разговор.

На подоконнике у дальней стены стояла небольшая клетка. В ней спал серый воробей, подобранный утром во дворе. Одно крыло было повреждено.

— Ел? — спросил Соболев.

— Немного. Завтра придёт ветеринар.

— Хорошо.

— Дворник говорил, проще было оставить птицу кошкам.

— Поэтому он дворник.

Алексей Степанович усмехнулся и направился к двери.

— Четверть часа, Дмитрий Петрович.

— Что?

— Вчера вы обещали закончить через четверть часа и лег-

ли в три.

— Сегодня иначе.

— Старые часы уже слышали подобные обещания.

Дверь закрылась.

Соболев снова склонился над механизмом.

Он очистил колесо, установил мост, проверил баланс и осторожно повернул заводную головку.

Пружина натянулась. Баланс качнулся. Раз. Другой. Секундная стрелка дрогнула и пошла.

Соболев поднёс часы к уху. Тик. Тик. Тик. Семь секунд. На восьмой механизм остановился.

Он нахмурился. Стружка была неисправностью. Но не причиной.

В передней резко зазвонили. Три коротких звонка подряд.

Соболев посмотрел на настенные часы. Половина десятого.

Через минуту Алексей Степанович появился в дверях с серебряным подносом.

На нём лежала визитная карточка.

«Николай Аркадьевич Вельский. Коммерции советник».

Поперёк карточки торопливым почерком было написано:

«Дмитрий Петрович, прошу немедленно приехать. Произошло несчастье. Полицию пока не вызывайте».

Последние слова были подчёркнуты дважды.

— Кто принёс?

— Молодой лакей.

— Ливрея какая?

— Тёмно-зелёная с серебряным галуном. Герб Вельских.

— Вы видели его раньше?

— Нет.

— Он ждёт?

— Да, внизу.

Соболев поднялся.

— Скажите, что я еду. И попросите не уходить.

Алексей Степанович задержался.

— Неприятности?

Соболев ещё раз посмотрел на слова «полицию пока не вызывайте».

— Если человек заранее просит не звать полицию, неприятность обычно уже произошла.

Он снял лупу, закрыл корпус часов и положил их под стеклянный колпак.

Стрелки застыли на девяти часах двадцати трёх минутах.

Через двенадцать минут Соболев спускался по лестнице.

Посыльного не было.

— Ушёл, — сообщил швейцар. — Сказал, что его ждут.

У подъезда стояла закрытая карета Вельского.

Внутри сидел Лебедев.

— Добрый вечер, Дмитрий Петрович.

— Это мы ещё посмотрим.

Экипаж тронулся.

Лебедев показал свою записку. Содержание почти совпа-

дало:

«Приезжайте в дом Вельского. Хозяин заперся в кабинете. Был выстрел. Без полиции до прибытия Соболева».

Почерк был другим.

— Кто доставил?

— Лакей. Молодой, светловолосый.

— Шрам был?

Лебедев задумался.

— Кажется, на левой щеке. А что?

— Такой же человек был у меня.

— Возможно, один посыльный.

— Возможно.

Соболев сложил записку.

— Только Вельский не мог отправить её после выстрела, если сам заперся в кабинете.

Лебедев перестал улыбаться. До особняка они ехали молча.

Дом Вельского на Каменноостровском проспекте сиял всеми окнами. Перед подъездом теснились экипажи. Кучера переговаривались вполголоса.

Изнутри доносилась музыка.

Соболев остановился на ступенях.

— После выстрела оркестр продолжает играть?

— Чтобы гости не волновались.

— После выстрела музыка тревожит сильнее тишины.

Их встретил управляющий Александр Сергеевич Веде-

нин.

Высокий, сухой, безукоризненно одетый. Только влажный лоб выдавал напряжение.

— Благодарю, что приехали, Дмитрий Петрович. Я не знал, что делать.

— Где хозяин?

— В кабинете. Дверь заперта.

— Когда раздался выстрел?

— Около десяти двадцати.

— Сейчас почти одиннадцать.

— Я сразу послал за вами.

— Кого?

— Кучера.

Соболев посмотрел на Лебедева.

— Лакея не посылали?

— Нет.

— Светловолосого молодого человека со шрамом?

Веденин нахмурился.

— Такого слуги у нас нет.

Соболев снял пальто.

— Теперь видимо есть.

Внутри шёл благотворительный приём. В музыкальном зале оркестр продолжал играть, хотя почти никто не слушал. Гости стояли группами. Разговоры затихали, когда Соболев проходил мимо.

Страх уже появился. Ему только не дали имени.

Кабинет находился в конце короткого коридора. У двери стояли трое.

Пожилой генерал с седыми усами. Полный мужчина в белом жилете. И женщина в тёмно-синем платье.

Соболев сначала заметил именно её.

Не потому, что она была красивее остальных. Скорее потому, что она одна не смотрела на дверь. Её взгляд был направлен на часы в конце коридора.

— Сергей Павлович Корсаков, — представился генерал.
— Генерал-лейтенант.

Полный мужчина назвался Аркадием Павловичем Крестовским, присяжным поверенным.

Женщина слегка наклонила голову.

— Мария Андреевна Львова.

— Кто последним видел Вельского?

Корсаков ответил первым:

— Мы все. Николай Аркадьевич разговаривал с нами, затем вошёл в кабинет. Через несколько минут раздался выстрел.

— Через сколько минут?

— Три. Может, четыре.

Мария сказала:

— Четыре с половиной.

Генерал посмотрел на неё.

— Какая точность, вы измеряли?

— Смотрела на часы. Николай Аркадьевич обещал вер-

нуться через пять минут.

Соболев перевёл взгляд на дверь. Ключ находился с внутренней стороны.

— Он заперся при вас?

Крестовский кивнул.

— Мы слышали замок.

— Был один поворот ключа?

Мария ответила:

— Два.

Соболев постучал.

— Николай Аркадьевич!

Тишина.

Он попробовал ручку. Заперто.

— Второй вход есть?

— Нет, — сказал Веденин.

— А окна?

— Выходят в сад. Заперты изнутри.

— Ломайте.

После третьего удара железным прутom замок поддался.

Соболев остановил остальных.

— Никто не входит.

Он переступил порог первым.

Вельский сидел в кресле за письменным столом.

Голова слегка запрокинута. На белой сорочке — тёмное пятно. Револьвер лежал на ковре примерно в двух шагах от правой руки. На столе стояли два бокала. И белая шахматная

пешка.

Лебедев вошёл следом.

— Самоубийство?

Соболев посмотрел на револьвер, затем на руку покойного.

— Слишком рано делать заключение.

Он подошёл ближе. Крови было мало.

Слишком мало для выстрела в грудь при работающем сердце.

— Врача вызвали?

Доктора Бернштейна нашли среди гостей. Тот вошёл, на ходу застёгивая сюртук.

Несколько минут осматривал тело, затем выпрямился.

— Его убил не выстрел.

Лебедев нахмурился.

— Тогда что?

— Пока не скажу. Но в момент попадания сердце уже почти наверняка не работало.

Соболев не сводил глаз с покойного.

— И когда он умер?

— Не менее чем за полчаса до выстрела.

За дверью кто-то тихо вскрикнул.

— Отведите гостей дальше, — сказал Соболев.

Веденин поспешил выполнить.

Бернштейн наклонился к бокалам.

— Есть слабый запах горького миндаля.

— Цианистое соединение?

— Возможно. Нужен анализ.

На краю пустого бокала остался едва заметный след помады.

Второй был почти полон.

— Он пил не один, — сказал Лебедев.

— Или кто-то хотел, чтобы мы так подумали.

На каминной полке стояли часы. Они показывали десять двадцать. Маятник не двигался.

Соболев открыл дверцу и слегка качнул его.

Часы пошли.

— Исправны, — сказал Лебедев.

Соболев проверил завод. Пружина была натянута.

— Их остановили.

— Чтобы указать время смерти?

— Чтобы указать время выстрела. А мы должны были принять одно за другое.

В верхнем ящике стола лежал пустой футляр от револьвера. В коробке не хватало одного патрона.

На язычке замка виднелись свежие царапины.

К кольцу ключа была привязана тонкая чёрная нить. Она уходила под ковёр и обрывалась возле двери.

— Заперли снаружи, — сказал Лебедев.

— Возможно.

— Тогда способ ясен.

Соболев поднял нить.

— Нет. Его сделали слишком ясным.

В камине треснуло полено.

Соболев щипцами вытащил обгоревший кусок бумаги.

Сохранилось:

«...прежде, чем пробьют десять...»

— Угроза, — сказал Лебедев.

— Или инструкция.

Они вернулись в коридор.

Соболев попросил Корсакова восстановить последние минуты.

Генерал говорил уверенно. Вельский вышел из малого салона, подошёл к ним, сказал, что должен взять бумаги, затем вошёл в кабинет.

— Вы видели лицо?

— Конечно. Мы знакомы двадцать лет.

Соболев посмотрел вверх.

Настенная лампа возле двери не горела.

— Здесь было темно.

— Я узнаю Вельского и в темноте.

Соболев не спорил.

— Что он сказал вам?

— Что разговор о поставках продолжим завтра.

— Господин Крестовский?

— Попросил не уезжать. Мы должны были обсудить документы.

— Какие?

Крестовский замялся.

— Завещание.

Соболев перевёл взгляд на Марию.

— А вам?

— Обещал представить меня человеку, которого я давно ищу.

— Кому?

— Имени не назвал.

— Что ещё вы запомнили?

Она задумалась.

— Походку.

Корсаков нетерпеливо сказал:

— У Николая Аркадьевича была старая травма.

— Он прихрамывал на левую ногу, — сказала Мария. —
А человек, вошедший в кабинет, берёт правую.

В коридоре стало тихо. Соболев посмотрел на генерала.

— Вы заметили?

— Нет.

— Крестовский?

— Нет.

Мария добавила:

— Я тоже поняла не сразу. Он едва не задел меня плечом.

Я отступила и посмотрела вниз.

Соболев кивнул.

— Это важно.

Корсаков нахмурился.

— Что именно?

— То, что вы трое видели не Вельского.

Крестовский побледнел.

— Это невозможно.

— Вельский умер примерно за полчаса до вашего разговора.

Соболев посмотрел в сторону музыкального зала.

— Значит, один из людей в этом доме изображал покойного.

Оркестр замолчал. Наступившая тишина оказалась сильнее выстрела.

Соболев приказал закрыть все выходы. Гостей собрали в музыкальном зале.

Тридцать семь приглашённых. Семь музыкантов. Постоянная и временная прислуга.

— Николай Аркадьевич Вельский мёртв. Есть основания считать его смерть насильственной. До окончания первого опроса никто не покинет дом.

Высокий лысеющий мужчина возмутился:

— На каком основании вы удерживаете гостей?

— Ваше имя?

— Сенатор Ланской.

— Тем удобнее. Если я превышу полномочия, вы первым сумеете пожаловаться.

По залу прошёл нервный смешок.

— Мне нужны точные воспоминания, — продолжил Со-

болеву. — Не обсуждайте между собой увиденное. Через час человек начинает помнить уже не событие, а чужой рассказ о нём.

Он намеренно не сообщил о двойнике. Первой допросили Елену Вельскую. Дочь убитого была молода, бледна и удивительно собрана.

— Когда вы последний раз разговаривали с отцом?

— Около половины десятого. В зимнем саду.

— Ссорились?

Елена взглянула на него.

— Вы уже знаете.

— Предполагаю.

Она помолчала.

— Отец собирался изменить завещание. Большую часть состояния хотел передать какому-то благотворительному обществу. Я сказала, что это безумие.

— Причину объяснил?

— Только сказал, что слишком долго жил на чужие деньги.

Соболев задержал взгляд.

— Раньше говорил такое?

— Никогда.

— В последнее время боялся кого-нибудь?

— Получал письма.

— С угрозами?

— В одном было написано: «Вы прожили чужую жизнь».

Пришло время вернуть её владельцу».

— письмо сохранилось?

— Отец сжёг.

— Называл автора?

Елена опустила глаза.

— Фон Рейн.

— Кто это?

— Не знаю. Отец сказал: «Фон Рейн мёртв. Мёртвые не пишут писем».

После неё вызвали Крестовского. Он подтвердил существование нового завещания, но попытался укрыться за профессиональной тайной.

Соболев дал ему высказаться, затем спокойно заметил:

— Аркадий Павлович, если убийство связано с наследством, ваша тайна через несколько часов станет частью уголовного дела. Лучше расскажите сейчас.

Крестовский сдался.

— Вельский намеревался лишить дочь большей части наследства.

— В пользу общества?

— Формально.

— И кто получатель?

— Должен был быть указан отдельным письмом.

— Кто знал об этом?

— Мария Андреевна переводила часть документов.

Мария вошла в библиотеку без видимого волнения.

Соболев не предложил ей места сразу. Она сама села.

— Вам нравится заставлять людей ждать вопроса? — спросила она.

— Иногда они начинают отвечать раньше.

— Я предпочитаю знать, в чём меня подозревают.

— Пока ни в чём.

— Тогда нам будет проще.

— Вы знали о завещании.

— О документах благотворительного общества. Не о наследнике.

— Почему Вельский выбрал вас?

— По рекомендации. Чьей — не сказал.

— Вы были знакомы раньше?

Небольшая пауза.

— Нет.

Соболев не перебил.

— Но пришли на вечер не только ради перевода.

Мария закрыла веер.

— Мой муж два года назад погиб при взрыве на заводе Вельского. За несколько дней до смерти Андрей написал, что обнаружил подлог в отчётах предприятия. Сегодня Николай Аркадьевич обещал познакомить меня с человеком, который знал, что произошло на самом деле.

— Вы считаете смерть мужа убийством?

— Не знаю. Поэтому и пришла.

— Вельского подозревали?

— Да.

— Вы тоже?

— Да.

Ответ прозвучал прямо.

— Где вы были без четверти десять?

— В зимнем саду. Потом вернулась к Корсакову и Крестовскому.

— В кабинет заходили?

— Нет.

— Видели, кто подавал Вельскому вино?

— Нет.

Она поднялась.

— Ещё одно.

Мария остановилась.

— В зимнем саду Вельский разговаривал с кем-нибудь?

На этот раз она молчала дольше.

— С женщиной.

— Как выглядел?

— Высокий, около сорока пяти. Седина на висках. Без орден.

— Слышали разговор?

— Последнюю фразу.

— Какую?

— «Вы всё ещё думаете, что пешка не помнит руки игрока».

Соболев не изменился в лице.

— Что ответил Вельский?

— «Вы опоздали на двадцать один год».

— Куда ушёл мужчина?

— В сторону малого салона.

— Он сейчас среди гостей?

— Нет.

— Проверили?

Мария слегка улыбнулась.

— Пока вы смотрели на тех, кто хотел уйти, я смотрела на тех, кто боялся остаться.

Она вышла. Лебедев посмотрел вслед.

— Интересная женщина.

— Как свидетель.

— Конечно.

К двум часам ночи картина стала только сложнее.

Корсаков конфликтовал с Вельским из-за военных поставок. Крестовский знал о завещании.

Елена могла лишиться состояния. Актёр Арсений Чернов задолжал Вельскому крупную сумму.

У временной прислуги оказался лишний человек. Светловолосого лакея со шрамом не знал никто. В бельевои нашли тёмный фрак, накладные усы, парик и обувь с толстой вкладкой под правой пяткой.

— Костюм двойника, — сказал Лебедев.

— Костюм нашли. Двойника нет.

В кармане фрака лежала серебряная зажигалка. На ней

были выгравированы буквы:

«А. Ф. Р.»

— Александр фон Рейн.

Соболев провёл ногтем по гравировке. Металл в углублениях блестел.

— Надпись свежая.

— Подбросили?

— Хотели, чтобы мы прочитали имя.

К трём часам Бернштейн подтвердил отравление.

Цианистый калий находился только в бокале Вельского.

Бутылка была чистой. Следовательно, яд добавили уже после того, как налили вино.

Соболев снова вошёл в кабинет. Каминные часы по-прежнему показывали десять двадцать.

Он снял заднюю крышку. Механизм был исправен. Между зубцами колеса застрял тонкий кусочек картона.

Соболев извлёк его пинцетом.

На обрывке сохранились три буквы:

«...ейн».

— Рейн, — сказал Лебедев.

— Именно это нам предлагают прочитать.

— А вы что читаете?

— Что человек, остановивший часы, рассчитывал на любопытного следователя.

Он запустил маятник. Часы пошли.

В кармане пальто Вельского обнаружили конверт. На нём

стояло имя Соболева.

Внутри лежала старая фотография. Пять молодых мужчин на ступенях загородного дома.

Вельский стоял в центре. Рядом — Корсаков, Крестовский и двое незнакомцев.

Три лица были перечёркнуты.

На обороте надпись:

«Один умер сегодня. Двое уже заплатили. Последний ещё не знает, что его очередь пришла».

Ниже — дата: 15 марта 1912 года.

Мария, увидев снимок, побледнела. Она указала на одного из мужчин.

— Это Андрей.

— Ваш муж?

— Да.

— Когда сделано?

Она перевернула фотографию. На нижнем краю сохранилась отметка:

«Февраль 1891 года».

— Андрею тогда было двадцать два, — сказала Мария.

— Он говорил, что знал Вельского?

— Никогда.

— Корсакова?

— Нет.

— Крестовского?

— Тоже нет.

Она осторожно вернула снимок.

— Значит, всё началось задолго до завода.

Соболев смотрел на фотографию.

Если Андрей Львов действительно стоял рядом с Вельским в 1891 году, его смерть два года назад переставала быть отдельным событием. Слишком многие люди имели общее прошлое. И слишком старательно кто-то это прошлое показывал.

На рассвете у парадного входа остановился экипаж.

Веденин вошёл почти бегом.

— Дмитрий Петрович, приехал господин. Говорит, Николай Аркадьевич назначил ему встречу на шесть часов.

— Имя?

Управляющий сглотнул.

— Александр Константинович фон Рейн.

Лебедев медленно поднялся.

— Вот и наш человек.

Соболев подошёл к окну.

На ступенях стоял высокий мужчина в тёмном пальто. Седина на висках.

Те же приметы, что дала Мария. Он не оглядывался и не пытался уйти. Ждал.

— Задержать? — спросил Лебедев.

Соболев посмотрел на свежую гравировку «А. Ф. Р.», на обрывок карточки с буквами «ейн», на белую пешку и остановленные часы. Слишком много. Слишком быстро. Слиш-

ком аккуратно.

— Нет.

— Почему?

— Потому что человек, оставивший всё это, хотел, чтобы мы арестовали фон Рейна прежде, чем услышим его.

— А если это сделал сам фон Рейн?

Соболев направился к двери.

— Тогда ему будет особенно интересно узнать, почему мы не послушались.

У порога он на мгновение обернулся.

Каминные часы снова шли. Но показывали неправильное время. Так теперь выглядело и всё дело. Механизм уже двигался.

Оставалось понять, кто перевёл стрелки.

Глава II. Гость на рассвете

«Опаснее человека, который скрывает правду, бывает только тот, кто сообщает её в нужной ему последовательности».

Из записок судебного следователя А. Р., 1894 год

Александр Константинович фон Рейн вошёл в дом Вельского без спешки.

На человека, которого четыре часа подряд обвиняли оставленные улики, он походил меньше всего. Высокий, су-

хощавый, лет сорока пяти. Тёмное пальто хорошо сидело на прямых плечах. Седина уже тронула виски, но лицо оставалось почти молодым — спокойным, правильным, невыразительным настолько, что через минуту после встречи его было бы трудно описать.

Он снял перчатки и передал пальто лакею.

Потом поднял голову.

Соболев стоял на лестничной площадке.

Их взгляды встретились.

Фон Рейн узнал его сразу.

— Дмитрий Петрович Соболев?

— Мы знакомы?

— Нет.

— Тогда почему уверены?

Фон Рейн чуть заметно улыбнулся.

— Вы единственный человек в этом доме, который смотрит на меня не как на гостя и не как на убийцу.

Соболев спустился.

Лебедев остался на несколько ступеней выше.

— Александр Константинович фон Рейн?

— Да.

— Вас ждали?

— Полагаю.

— Кто?

— Николай Аркадьевич Вельский.

— Он мёртв.

На лице фон Рейна ничего не изменилось.

Только пальцы, которыми он придерживал шляпу, на мгновение сжались.

Соболев заметил.

— Когда он умер?

— Несколько часов назад.

— Тогда я опоздал.

— Вы не удивлены.

Фон Рейн посмотрел в сторону закрытого коридора.

— Удивлён. Но не самой смертью.

— Чем?

— Тем, что он всё-таки решился позвать вас.

Лебедев спустился к ним.

— Предлагаю продолжить разговор не в передней.

— Согласен, — сказал фон Рейн. — Здесь слишком много ушей.

— В этом доме сейчас слишком много тайн, чтобы заботиться ещё и об ушах, — ответил Соболев. — Сначала покажите приглашение.

Фон Рейн достал из внутреннего кармана конверт. На нём было написано его имя.

Внутри лежала короткая записка:

«Александр Константинович.

Вы были правы.

Прошу приехать сегодня не ранее шести часов утра. Входите через парадную дверь и назовите своё имя.

Н. Вельский».

Соболев перечитал.

— Получили когда?

— Вчера после полудня.

— Каким образом?

— Посыльный оставил в гостинице.

— Описать посыльного сможете?

— Я его не видел.

— Обычно вы принимаете анонимно доставленные приглашения на рассвете без вопросов?

— Обычно меня не приглашает человек, который двадцать один год избегал встречи.

Соболев передал записку Веденину. Управляющий долго смотрел на неё.

— Почерк похож на Николая Аркадьевича.

— Похож?

— Некоторые буквы написаны иначе.

— Подпись?

— Он редко подписывался одной буквой.

Соболев забрал письмо.

— Значит, приглашение мог написать другой человек.

— Разумеется, — сказал фон Рейн.

— И всё же вы приехали.

— Именно поэтому.

Лебедев хмыкнул.

— Любите ловушки?

— Нет. Люблю знать, кто их ставит.

Соболев указал на библиотеку.

— Поговорим там.

Они прошли через музыкальный зал.

Несколько оставшихся гостей подняли головы. Разговоры стихли.

Мария Львова стояла возле окна. Увидев фон Рейна, она не сразу изменилась в лице. Но Соболев заметил, как рука с веером застыла у пояса.

Фон Рейн тоже увидел её. И на этот раз задержал взгляд дольше. Не удивление. Узнавание.

Соболев запомнил.

В библиотеке он закрыл дверь.

Фон Рейн сел только после приглашения. Шляпу положил на колени.

Лебедев остался у шкафа.

Соболев не торопился начинать. Вынул из папки серебряную зажигалку, найденную в кармане костюма двойника, и положил на стол.

Инициалы «А. Ф. Р.» блеснули в свете лампы.

Фон Рейн посмотрел.

— Красиво.

— Ваша?

— Нет.

— Инициалы ваши.

— Поэтому, вероятно, её и положили.

— Вы уверены, что положили?

— Если бы это была моя вещь, гравировка не выглядела бы сделанной вчера.

Соболев впервые позволил себе едва заметную улыбку.

— Мы заметили одно и то же.

— Значит, у вас хороший мастер.

— Я сам смотрел.

— Тем хуже для того, кто рассчитывал на небрежность.

Соболев положил рядом обрывок картона с буквами «ейн».

— Это было в механизме остановленных часов.

Фон Рейн не наклонился.

— Ещё убедительнее.

— Вас не беспокоит, что имя появляется на месте убийства несколько раз?

— Беспокоило бы больше, если бы появилось один раз.

Лебедев раздражённо сказал:

— Удобная позиция. Чем больше улик против вас, тем менее виновным вы выглядите.

— Нет. Чем больше одинаково очевидных улик, тем больше я хочу понять, кто так боится, что следователь посмотрит в другую сторону.

Соболев не вмешался.

Фон Рейн говорил спокойно, без театральности. Это и делало его опаснее. Он не пытался убедить — только оставлял мысль и позволял собеседнику продолжить самому.

— Вы знали Вельского? — спросил Соболев.

— Да.

— Сколько лет?

— Двадцать один год.

— С 1891-го?

Небольшая пауза.

— Вы уже нашли фотографию.

— Видели её раньше?

— Да.

— Где сделана?

— В доме Константина Сергеевича Кайсарова.

— Кто он?

Фон Рейн посмотрел на фотографию, которую Соболев положил перед ним.

— Человек, после смерти которого Николай Вельский стал богатым.

Лебедев оттолкнулся от шкафа.

— Теперь подробнее.

Фон Рейн провёл пальцем над снимком, не касаясь бумаги.

— Кайсаров владел промышленным товариществом. Металл, оборудование, химические соединения, горные поставки. Вельский был младшим компаньоном и приходился ему дальним родственником по жене. В феврале 1891 года Кайсарова нашли мёртвым в собственном кабинете.

— Запертом?

Фон Рейн посмотрел на Соболева.

— Да.

— Выстрел?

— Да.

— И яд?

Теперь пауза была заметнее.

— Вы быстро поняли способ смерти Вельского.

— Доктор понял. Я только слушал.

— Кайсаров тоже был отравлен. Выстрел произвели позже.

Лебедев медленно выругался себе под нос.

— Тот же способ.

— Не совсем.

— В чём различие?

— Тогда постановка не была завершена.

Соболев сел напротив.

— Вы расследовали дело?

— Да. Был судебным следователем.

— Вельский стал подозреваемым?

— Почти сразу.

— Почему его не арестовали?

Фон Рейн перевёл взгляд на огонь в камине.

— Потому что между подозрением и обвинением лежит пространство, которое влиятельные люди умеют заполнять очень быстро.

— Чем?

— Показаниями. Заключениеми. приказами. Иногда деньгами. Чаще страхом.

— А конкретно?

— Свидетель изменил показания. Экспертное заключение переписали. Один документ исчез. Человека, которого я собирался допросить повторно, не нашли.

— Имя?

— Михаил Львов.

За дверью что-то тихо скрипнуло.

Соболев посмотрел туда.

Мария могла находиться в коридоре.

— Тот мужчина на фотографии, которого госпожа Львова приняла за мужа?

— Да.

— Но вы утверждали ей, что это не Андрей?

— Я ещё ничего ей не утверждал.

— Вы узнали её в зале.

Фон Рейн посмотрел на Соболева внимательнее.

— Вы наблюдательны.

— Это входит в обязанности.

— Я видел Марию Андреевну один раз. На похоронах мужа.

— Андрея Львова?

— Да.

— Знали его?

— Хорошо.

— Она этого не знает.

— Нет.

Лебедев не выдержал:

— Вы присутствовали на похоронах человека, которого знали хорошо, и не подошли к вдове?

— Не имел права.

— Кто запретил?

Фон Рейн не ответил.

Соболев не стал давить сразу.

— Вернёмся к 1891 году. Михаил Львов был кем?

— Молодым служащим в компании Кайсарова. Иногда помогал бухгалтерии, иногда инженерам. Он имел неприятную привычку находиться там, где старшие предпочитали его не видеть.

— Что увидел в ночь смерти?

— Вельского у служебной двери кабинета Кайсарова.

— После смерти?

— По времени — после выстрела, но до того момента, который официально признали смертью.

— Он видел лицо?

— Да.

— Дал показания?

— Да.

— И исчез.

— На следующий день.

— А тело?

— Не нашли.

Соболев вспомнил фотографию.

— Кто ещё изображён на снимке?

Фон Рейн указал по очереди.

— Вельский. Сергей Павлович Корсаков, тогда ещё штабс-капитан. Аркадий Крестовский. Михаил Львов.

Оставался пятый мужчина.

— А этот?

Фон Рейн ответил не сразу.

— Павел Сергеевич Мещерский.

— На нынешнем приёме его не было.

— Нет.

— Жив?

— Был три месяца назад.

— Где?

— Петербург.

— Почему говорите так осторожно?

— Потому что последние недели люди из этой фотографии имеют дурную привычку исчезать.

Соболев убрал снимок.

— Вы считаете Вельского убийцей Кайсарова?

— Да.

— Доказать можете?

— Сейчас — нет.

— Тогда это только ваше предположение.

— Тогда оно было выводом.

— Почему дело закрыли?

— Официально — недостаток доказательств. Неофициально — слишком много людей потеряли бы больше, чем одного промышленника.

— Вы ушли со службы из-за этого?

— Вскоре.

— Добровольно?

— Формально.

— Кто отстранил?

— Председатель палаты.

— По чьему распоряжению?

— Из министерства.

Лебедев спросил:

— И двадцать один год вы продолжали копать одно дело?

— Иногда.

— Из мести?

— Сначала из упрямства. Потом — потому что начали умирать люди.

В комнате стало тише.

— Какие люди? — спросил Соболев.

— Те, кто был связан с документами Кайсарова. Один бухгалтер погиб при несчастном случае. Другой свидетель утонул. Врач умер от сердечного приступа. Всегда находилось разумное объяснение.

— Вы считали их убийствами?

— Не все.

— А какие?

— Те, где разумных объяснений было слишком много.
Соболев посмотрел на него.

— Вы говорите так, будто уже видели нынешнюю схему.

— Видел её начало.

— Белая пешка?

Впервые фон Рейн изменился заметно. Не испугался —
насторожился.

— Где она?

— На столе возле Вельского.

— Значит, началось.

Лебедев подошёл ближе.

— Что началось?

Фон Рейн не отвечал несколько секунд.

— В 1891 году белую пешку нашли на подоконнике кабинета Кайсарова.

— Вы не упомянули.

— Вы не спрашивали.

Лебедев резко выдохнул.

— Ещё раз так ответите, и я забуду, что вы бывший следователь.

Соболев остановил его взглядом.

— Пешка принадлежала шахматному набору Кайсарова?

— Да.

— Следы были?

— Никаких.

— Что она означала?

— Тогда я решил, что ничего. Потом ошибся.

— Почему?

— Через несколько месяцев получил письмо.

— От кого?

— Алексея Гордина.

— Кто это?

— Секретарь Кайсарова. Его попытались сделать виновным.

— В убийстве?

— Не официально. Но достаточно, чтобы разрушить жизнь.

— Какую связь он имел с пешкой?

Фон Рейн провёл ладонью по колену.

— На последнем допросе Гордин сказал Вельскому: «Вы думаете, что пешка ничего не помнит, потому что её двигает чужая рука».

Соболев вспомнил слова незнакомца в зимнем саду:

«Вы всё ещё думаете, что пешка не помнит руки игрока».

— Эту фразу слышали многие?

— Несколько человек. Я. Крестовский. Возможно, Корсаков. Писарь.

— И Вельский?

— Разумеется.

— Значит, тот, кто произнёс её вчера, мог быть одним из них.

— Или человеком, которому рассказали.

— Андрей Львов?

Фон Рейн поднял глаза.

— Андрей знал.

Соболев почувствовал, как одно имя снова связало две эпохи.

— Откуда?

— От брата.

— Михаила?

— Да.

— Они поддерживали связь после исчезновения?

— Некоторое время.

— Вы знали?

— Да.

— Где Михаил?

— Последний раз я видел его в Финляндии весной 1891 года.

— Почему там?

— Я помог ему уехать.

Лебедев резко повернулся.

— Вы скрыли свидетеля?

— Я спас его.

— От кого?

— От людей Вельского.

— На каком основании решили, что его хотели убить?

— Потому что за два дня до этого кто-то пытался столк-

нуть его под поезд.

Соболев смотрел на фон Рейна без выражения.

— И не сообщили следствию?

— Я и был следствием. До того дня.

— Потом?

— Потом мне дали понять, что Михаил должен исчезнуть не только из Петербурга, но и из материалов дела.

— Вы подчинились?

— Нет.

— Однако материалы исчезли.

Фон Рейн не ответил.

Соболев понял, что здесь находится первая настоящая граница его откровенности.

До сих пор тот охотно говорил о преступлениях других.

Теперь речь приближалась к его собственным поступкам.

— Вы сохранили копию показаний Михаила?

— Да.

— Где?

— Была у меня.

— Была?

— Два года назад её забрал Андрей Львов.

В коридоре послышалось движение.

На этот раз дверь открылась. Мария стояла на пороге. Лицо было бледным.

— Простите. Я слышала имя мужа.

Лебедев хотел возразить, но Соболев позволил ей войти.

Она остановилась напротив фон Рейна.

— Вы были на похоронах Андрея.

— Да.

— Знали его.

— Да.

— И два года ни разу не попытались поговорить со мной.

— Да.

— Очень удобно отвечать одним словом, когда за ним прячется чужая жизнь.

Фон Рейн выдержал её взгляд.

— Если бы я пришёл к вам после взрыва, за мной пришли бы другие.

— Кто?

— Люди, которые наблюдали за вашим домом.

— Вельский?

— Не только.

Мария сжала веер.

— Андрей был жив после взрыва?

Тишина стала тяжёлой. Соболев смотрел на фон Рейна. Тот не отвёл глаз, но ответил не сразу.

— Я не видел его тела.

— Это не ответ.

— Другого пока не дам.

Мария шагнула ближе.

— Вы только что сказали, что он забрал у вас документ два года назад. Когда именно?

Фон Рейн понял ошибку. Поздно. Мария тоже.

— До взрыва или после?

— До.

— Насколько до?

— За три дня.

Она застыла.

Соболев вмешался:

— Что хотел Андрей?

Фон Рейн переключился на него охотно, почти с облегчением.

— Показание Михаила. Он расследовал старые финансовые связи Вельского и обнаружил, что некоторые схемы 1891 года продолжают на нынешних предприятиях.

— Подлоги?

— Не только. Людей заставляли подписывать ложные заключения, свидетельствовать, менять даты, принимать решения, после которых ответственность оставалась на них.

— Кто организовывал?

— Андрей считал, что Вельский.

— А вы?

— Вельский был слишком прямолинеен для такой системы.

— Кто тогда?

— Не знаю.

Мария усмехнулась без улыбки.

— Невероятно. Вы знаете всё, кроме имени человека, ко-

торый вам мешает.

Фон Рейн посмотрел на неё почти устало.

— Именно потому и не знаю, что он мне мешает двадцать один год.

— Андрей нашёл?

— Он приблизился.

— Поэтому взрыв?

— Возможно.

— Вы предупреждали его?

— Да.

— Он послушал?

— Нет.

— И после этого погиб.

— Да.

Мария отвернулась к окну. Некоторое время никто не говорил. Соболев дал ей эту паузу.

Потом спросил:

— Вы видели человека на фотографии, которого считали Андреем?

Она обернулась.

— Да.

Соболев положил снимок перед ней.

— Покажите.

Мария указала на крайнего справа. Фон Рейн покачал головой.

— Это не Андрей.

Она резко посмотрела.

— Я знаю лицо мужа.

— На фотографии ему двадцать два года. Мужчина, на которого вы указываете, — Михаил Львов.

Мария взяла снимок ближе.

— Они настолько похожи?

— Были братьями.

— Андрей никогда не говорил, что у него есть брат.

— Потому что к моменту вашего знакомства Михаила давно считали мёртвым.

— Он умер?

— Не знаю.

— Вы помогли ему бежать и не знаете?

— После Финляндии связь прервалась.

— Тогда где Андрей?

Фон Рейн указал на другого молодого человека, стоявшего чуть в стороне, почти за плечом Корсакова.

Мария смотрела долго. Потом провела пальцем над лицом.

— Боже...

Сходство было слабее, чем с Михаилом, но теперь, когда его указали, стало заметным: линия глаз, подбородок, привычный наклон головы.

— Почему они оба на фотографии?

— Андрей тогда работал помощником инженера. Михаил — при бухгалтерии. Кайсаров использовал обоих.

— Для чего?

— Андрей разбирался в поставках. Михаил — в счетах. Соболев спросил:

— Кто из братьев был свидетелем против Вельского?

— Михаил.

— А Андрей?

— Знал часть истории.

— Значит, двадцать один год спустя он мог продолжить расследование брата.

— Так и произошло.

Мария всё ещё смотрела на фотографию.

— Я прожила с человеком несколько лет и не знала, что у него был брат.

— Некоторые семейные тайны переживают семьи, — сказал фон Рейн.

Она подняла глаза.

— Не говорите со мной загадками.

В его лице впервые появилось что-то похожее на сожаление.

— Хорошо. Андрей молчал о Михаиле, потому что считал, что брат погиб из-за дела Вельского. Он боялся, что одно имя снова свяжет его с прошлым.

— Но всё равно сам вернулся к расследованию.

— Да.

— Почему?

— Потому что нашёл в документах завода ту же фамилию.

Соболев насторожился.

— Какую?

Фон Рейн помолчал.

— Кайсаров.

— Он был мёртв двадцать один год.

— Именно.

— Где появилось имя?

— В старых актах собственности. Часть капитала, перешедшего Вельскому после смерти Кайсарова, юридически никогда не принадлежала Вельскому полностью.

— Наследник?

— Возможно.

Мария вспомнила завешание.

— Поэтому Николай Аркадьевич хотел передать состояние через благотворительное общество.

Фон Рейн повернулся к ней.

— Какое общество?

— «Дом Святой Екатерины».

Его лицо изменилось. Совсем немного. Но Соболев заметил.

— Вы знаете название.

— Да.

— Что оно означает?

— Пока не уверен.

— Опять.

— В данном случае действительно.

Соболев вернулся к главному.

— Вы знали, что Вельскому угрожают?

— Он писал мне.

— Покажите письма.

— Не здесь.

— Почему?

— Потому что часть находится в месте, о котором знает только один человек.

— Вы?

— Теперь двое.

— Кто второй?

Фон Рейн посмотрел на Марию.

— Андрей.

Она подняла голову.

— Если жив.

Фон Рейн ничего не сказал. Соболев встал.

— Достаточно на данный момент. Вы останетесь в доме.

— Я арестован?

— Нет.

— Тогда могу уйти.

— Можете. Но у выхода будет стоять городской и записывать, куда вы направились.

— Это уже почти гостеприимство.

— Петербургское.

Соболев открыл дверь, но фон Рейн не двинулся.

— Дмитрий Петрович.

— Да?

— Белая пешка — не подпись убийцы.

Соболев остановился.

— Откуда знаете?

— Потому что в 1891 году её оставил не убийца.

— Кто?

— Кайсаров.

— До собственной смерти?

— Да.

Лебедев недоверчиво усмехнулся.

— Удобно. Мёртвый человек сам оставляет символ будущих преступлений.

— Кайсаров собирался инсценировать покушение на себя.

Соболев медленно закрыл дверь.

— Продолжайте.

— Он хотел обвинить Гордина в краже и попытке убийства. Для этого готовили ложный выстрел, запертую комнату и поддельные документы. Пешка была частью игры — Кайсаров собирался показать, что секретарь всего лишь орудие другого человека.

— Но Кайсарова убили по-настоящему.

— Да.

— Кто-то использовал подготовленную постановку.

— Именно.

Соболев почувствовал, как история повторялась слишком

точно. Вельский тоже заранее подготовил двойника. Кто-то использовал этот план после его смерти.

— Значит, нынешний убийца не придумал спектакль, — сказал он. — Он украл готовый.

— Как и тогда.

— И вы двадцать один год знали об этом?

— Знал о первом случае. Не думал, что кто-то решится повторить буквально.

— Зачем?

— Чтобы мы поняли связь.

— Кто «мы»?

— Вы и я.

— Вы очень быстро поставили себя рядом со следствием.

— Не рядом. Внутрь. Меня туда уже поставили зажигалкой и собственным именем.

На этот раз Соболев не возразил.

После разговора фон Рейна разместили в малой гостиной. У двери остался агент.

Соболев вернулся к осмотру особняка. К утру удалось установить ещё несколько деталей.

Костюм двойника Вельского действительно принадлежал дому. Веденин признал, что год назад хозяин заказывал его для какого-то частного розыгрыша. Парик и накладные усы взяли из театральной сумки Арсения Чернова.

Сам актёр побледнел, когда увидел одежду.

— Я уже видел этот костюм.

— Где? — спросил Соболев.

Чернов провёл рукой по затылку.

— На мне.

Лебедев перестал писать.

— Объясните.

— Вельский заплатил мне год назад за частное представление. Нужно было изобразить человека перед одним господином.

— Кого?

— Не знаю имени.

— Вельского?

— Нет. Молодого человека с фотографии.

Соболев показал снимок. Чернов сразу указал на Михаила Львова.

— Его.

— Кто был зрителем?

— Мещерский.

— Павел Сергеевич?

— Да.

— Где?

— В ресторане на Крестовском острове.

— Что вы сказали?

Чернов помолчал.

— Фразу о пешке.

Соболев и Лебедев обменялись взглядами.

— Дословно.

— «Пешка помнит руку игрока».

— Кто научил?

— Вельский.

— Зачем он пугал Мещерского человеком, которого считали мёртвым?

— Не объяснил.

— Кто ещё знал о представлении?

— Управляющий. Он привёз одежду.

Веденин подтвердил.

Теперь становилось ясно: человек, изображавший Вельского ночью, не создавал костюм. Он взял уже готовый образ из старого розыгрыша. Кто-то знал прошлые постановки Вельского.

И повторял их.

— Один вопрос, — сказал Соболев Чернову. — Когда вы изображали Михаила, на какую ногу хромали?

Актёр удивился.

— На правую. В обуви была специальная вкладка.

Именно такую походку запомнила Мария.

Значит, ночью использовали не только костюм, но и старую манеру движения.

Человек, вошедший в кабинет после смерти Вельского, изображал не самого Вельского.

Он играл Вельского, когда-то игравшего Михаила Львова.

Чужое лицо поверх другого чужого лица.

К полудню дом наконец начал пустеть. Большинство го-

стей отпустили после повторного опроса. Ключевые свидетели остались.

Соболев не спал почти сутки. Лебедев выглядел ненамного лучше.

— Если всё это повтор старого спектакля, — сказал он, — убийца должен знать дело 1891 года.

— Или иметь человека, который знает.

— Фон Рейн.

— Да.

— Наконец.

— Я сказал, что он знает. Не что убивает.

— Иногда разница становится слишком удобной.

Соболев подошёл к окну. Во дворе меняли лошадей.

На снегу лежали следы десятков людей. Большинство уже невозможно было различить.

— Проверим слова фон Рейна по старому делу. Архив суда, газеты, документы компании Кайсарова.

— И Мещерского?

— Немедленно.

— Почему?

— Вельский год назад зачем-то заставил его увидеть «воскресшего» Михаила. Сейчас Вельский мёртв. Если кто-то повторяет старые ходы, Мещерский может стать следующим.

Лебедев уже собирался выйти, когда в дверях появилась Мария.

— Павла Сергеевича нет дома.

— Откуда знаете? — спросил Соболев.

— Я послала своего человека утром.

— Почему?

— Потому что слышала имя.

— Вы ведёте собственное расследование?

— Уже два года.

— Это не ответ.

— Тогда да.

Соболев сдержал замечание.

— Что сообщил ваш человек?

— Мещерский исчез вчера вечером. Слуги говорят, что он получил письмо и приказал никого не ждать.

— Чьё письмо?

— Не знают.

— Куда уехал?

— Тоже не знают.

Фон Рейн стоял в дальнем конце коридора. Его дверь, очевидно, оставили открытой.

— Он не уехал, — сказал он.

Лебедев раздражённо повернулся.

— Вас никто не спрашивал.

— Иначе вы потеряете время.

Соболев подошёл ближе.

— Где Мещерский?

— Если всё повторяется, он заперся в доме.

— В каком?

— Собственном. Но не городском.

— Загородном?

— На Английской набережной у него дом, которым он почти не пользуется.

— Набережная не загород.

— Старый дом его дяди. Он называет его «пустым».

— Откуда знаете?

— Год назад после спектакля Чернова Мещерский приехал ко мне. Был уверен, что Михаил Львов вернулся. Я объяснил, что видел актёра.

— И он поверил?

— Нет. Испугался ещё больше.

— Почему?

— Потому что Вельский знал фразу, которой не должен был знать.

Соболев остановился.

— Какую?

— Полный вариант слов Гордина.

— Но Вельский присутствовал при допросе.

— Не при этой части. Её произнесли после того, как его вывели.

— Тогда откуда он узнал?

Фон Рейн посмотрел на старую фотографию в руках Соболева.

— Кто-то из тех, кто остался в комнате, рассказал ему.

— Вы?

— Или Михаил. Или Крестовский. Или писарь.

— Значит, ещё двадцать один год назад существовал человек, передававший каждому ту часть правды, которая могла напугать другого.

— Теперь вы начинаете видеть.

Соболеву не понравилась эта фраза. Особенно прозвучавшая от фон Рейна.

— Адрес Мещерского.

Тот назвал.

Лебедев отправил двух агентов. Они вернулись менее чем через час. Мещерского нашли.

Он был жив. Но заперся в спальне и отказывался открывать. Утверждал, что не чувствует ног.

Рядом с кроватью лежала белая шахматная пешка.

Соболев взял пальто.

— Едем.

Мария шагнула следом.

— Я с вами.

— Нет.

— Мещерский знал Андрея.

— Именно поэтому останетесь.

— Вы всё время используете мою заинтересованность как причину отстранить меня.

— Я использую вашу заинтересованность как причину не позволять вам войти туда, где неизвестный человек расставляет мёртвых и живых по местам.

— Вы считаете, я буду мешать?

— Я считаю, вам могут показать именно то, что вы хотите увидеть.

Мария собиралась возразить, но остановилась.

Соболев уже повернулся к двери.

— Дмитрий Петрович.

Он оглянулся.

— Если там будет Андрей?

Никакой иронии.

Только вопрос женщины, два года прожившей с одним ответом и вдруг лишённой даже его.

Соболев говорил мягче:

— Тогда сначала я удостоверюсь, что это действительно он.

Мария опустила глаза.

— Хорошо.

Фон Рейн наблюдал за ними.

Когда Соболев проходил мимо, он тихо сказал:

— Вы уверены, что оставлять её здесь безопаснее?

Соболев остановился.

— Это угроза?

— Предупреждение.

— О чём?

— Вельский умер, потому что участвовал в чужой постановке и считал, что знает финал. Мария Андреевна уже участвует.

— В какой роли?

— Вдовы.

— Она и есть вдова.

Фон Рейн посмотрел ему прямо в глаза.

— Вот это ещё предстоит установить.

Соболев вышел.

Уже в экипаже Лебедев спросил:

— Вы заметили?

— Что?

— Он впервые сказал что-то не о прошлом.

— Да.

— Думаете, Андрей жив?

Соболев смотрел на мокрый снег, летевший навстречу.

— Думаю, кто-то очень старается, чтобы Мария в это поверила.

— А вы?

— Я стараюсь не делать за него эту работу.

Экипаж свернул к набережной. В кармане Соболева лежала старая фотография. Пять молодых мужчин. Один уже мёртв. Один исчез двадцать один год назад. Один, возможно, умер два года назад.

И кто-то вновь собирал их вместе — не в комнате и не на снимке, а в расследовании.

Белая пешка вернулась на доску.

Теперь следовало понять, кто сделал первый ход.

Глава III. Чужое лицо

«Человека легче всего узнать не по лицу, а по движению, которого он сам за собой не замечает».

Из записок судебного следователя А. Р., 1895 год

К дому Павла Сергеевича Мещерского они прибыли около полудня.

На Английской набережной дул сырой ветер. Нева лежала под тяжёлым серым небом, лёд возле берега уже потемнел и местами покрылся водой. Перед старым трёхэтажным особняком стояли два полицейских экипажа.

У подъезда Соболева встретил агент.

— Он наверху. Жив. Дверь заперта изнутри.

— Отвечает?

— Отвечал. Последние десять минут молчит.

Соболев остановился.

— Кто входил в дом до вас?

— Никто. Слуги вызвали полицию после того, как хозяин перестал отвечать.

— Где слуги?

— Внизу.

Лебедев уже поднимался по лестнице.

Спальня Мещерского находилась в конце второго этажа. Возле двери стоял городской.

— Павел Сергеевич! — позвал Соболев.

Из комнаты донёлся слабый голос:

— Не входите.

Лебедев наклонился к замочной скважине.

— Почему?

Ответ последовал не сразу.

— Он сказал... если дверь откроют раньше девяти, умрёт женщина.

Соболев посмотрел на часы.

Было двадцать минут девятого.

— Кто сказал?

— Не знаю.

— Что с вами?

— Ноги... не чувствую ног.

Голос становился слабее.

— Что принимали?

— Обычное лекарство.

— От сердца?

— Да.

— Когда?

— Полчаса назад.

Соболев взглянул на Лебедева.

— Ломаем.

За дверью раздался испуганный крик:

— Нет! Вы не понимаете!

— Именно поэтому и войдём.

Замок выбили с двух ударов.

Мещерский лежал на кровати. Одеяло сползло на пол, лицо было серым, губы дрожали. Он пытался поднять руку, но пальцы почти не слушались.

На столике возле кровати стояли стакан воды и небольшой лекарственный флакон.

Рядом лежала белая шахматная пешка.

Соболев не подошёл к ней.

— Врача.

Лебедев выбежал.

Мещерский повернул голову.

— Я сделал всё, как велели.

— Кто велел?

— Письмо.

— Где?

Он едва заметно указал глазами на письменный стол.

Там лежал лист:

«Примите обычную дозу лекарства в восемь часов.

Не открывайте дверь до девяти.

Если Соболев войдёт раньше — умрёт женщина.

Если позже — умрёте вы».

Под текстом была нарисована белая пешка.

Соболев дочитал и посмотрел на больного.

— Почему подчинились?

Мещерский попытался усмехнуться.

— Потому что уже видел, что бывает, когда не подчиняются.

— С кем?

Но тот закрыл глаза.

В комнату ворвался врач. Осмотр занял несколько минут.

— Отравление. Вероятно, лекарство подменили.

— Выживет?

— Если доза не слишком велика.

Мещерского начали приводить в чувство.

Соболев отошёл к окну. Белая пешка лежала рядом с человеком, который должен был умереть от собственного лекарства. Как Вельский умер от собственного бокала.

Убийца снова не обязан был находиться рядом в момент смерти.

— Письмо принесли когда? — спросил Соболев у дворецкого.

— Вчера вечером.

— Кто?

— Мальчик. Лет тринадцати.

— Откуда?

— Сказал, из клуба.

— Какого?

— Не объяснил.

— Павел Сергеевич ждал письмо?

— Нет. Но, прочитав, сразу приказал никого не пускать утром.

— Куда он ездил ночью?

Дворецкий замялся.

— Никуда.

— Ложь.

Соболев говорил спокойно, но тот сразу опустил глаза.

— Около полуночи приезжал господин.

— Какой?

— Я не видел лица.

— Почему?

— Павел Сергеевич сам открыл.

— Вы слышали разговор?

— Только однажды голос повысился.

— Что сказали?

Дворецкий вспомнил:

— Хозяин крикнул: «Вы мёртвый».

Соболев посмотрел на Лебедева, вернувшегося в комнату.

— Другой голос?

— Ответил: «Вы уже один раз в это поверили».

Белая пешка стала выглядеть иначе. Не предупреждением. Повторением старого страха.

— Где проходил разговор?

— В кабинете.

— Сколько длился?

— Полчаса.

— Гость ушёл?

— Да.

— Один?

— Я не видел.

— Описание хотя бы со спины?

Дворецкий закрыл глаза, пытаясь вспомнить.

— Высокий. Тёмное пальто. Борода.

— Седина?

— Кажется.

— Хромал?

— Нет.

— Что-нибудь ещё?

— Часы.

Соболев насторожился.

— Какие?

— Гость всё время касался цепочки на жилете. Будто проверял, на месте ли они.

— Цепочка?

— Тёмная.

— Брелок?

Дворецкий кивнул.

— Круглый.

Соболев ничего не сказал.

Пока эта деталь не значила почти ничего. Но он запомнил.

Когда состояние Мещерского немного улучшилось, врач разрешил задать несколько вопросов.

Соболев сел рядом.

— Кто приходил ночью?

Мещерский долго смотрел в потолок.

— Михаил Львов.

— Вы видели его двадцать один год назад.

— Видел.

— И вчера узнали?

— Сразу.

— Не Чернов?

В глазах больного появился страх.

— Вы знаете про актёра?

— Да. Год назад Вельский уже показывал вам «Михаила».

Мещерский отвернулся.

— Тогда был актёр.

— А вчера?

— Настоящий.

— Почему уверены?

— Он знал то, чего Чернов знать не мог.

— Например?

Мещерский сжал губы.

— Не скажу.

Соболев не стал давить.

— Он дал вам лекарство?

— Нет.

— Прикасался к флакону?

— Нет.

— Тогда кто мог подменить?

— Не знаю.

— Слуги?

— Возможно.

— Почему вы приняли дозу, если ночью получили угрозу?
Мещерский повернулся к нему.

— Потому что лекарство стояло в моём шкафу. Флакон был запечатан. Я пользуюсь им годами.

— Именно поэтому его и выбрали.

В лице больного появилось понимание. Человек не подал ему яд. Не уговаривал пить.

Просто заменил то, чему Мещерский доверял.

— Что хотел ночной гость?

— Чтобы я рассказал правду о Кайсарове.

— Какую?

Мещерский снова замолчал.

Соболев поднялся.

— Хорошо. Отдыхайте.

У двери Мещерский окликнул его:

— Дмитрий Петрович.

Соболев обернулся.

— Михаил не стареет так, как должен.

— Что это значит?

— Вчера он выглядел моложе меня лет на пятнадцать.

— А должен быть примерно вашего возраста.

— Да.

— Значит, это был не Михаил.

Мещерский закрыл глаза.

— Или я уже не помню его настоящего лица.

Это было разумнее большинства уверенных свидетельств,

услышанных за ночь.

Соболев вышел.

— Что думаете? — спросил Лебедев.

— Человек использует память свидетеля, а не сходство.

— То есть грим может быть приблизительным.

— Достаточно бороды, возраста, нескольких деталей и правильной фразы. Остальное Мещерский дорисует сам.

— Как гости дорисовали лицо Вельского.

— Именно.

Они вернулись в особняк. Дом изменился.

После ухода большинства гостей он стал тише и опаснее. Пустые залы открывали слишком много дверей. На столах оставались бокалы, в вазах увядали цветы, запах свечей смешался с утренним табаком полицейских.

Веденин подготовил список всей прислуги. Соболев просмотрел.

— Вчера временно наняты девять человек?

— Да.

— В первоначальном списке восемь.

Управляющий нахмурился.

— Я перепроверю.

— Уже не нужно. Девятый был светловолосым лакеем.

Веденин побледнел.

— Он мог войти с музыкантами.

— Кто проверял?

— Швейцар.

— Сколько человек прибыло с оркестром?

— Семь музыкантов и трое рабочих.

— В показаниях капельмейстера — двое рабочих.

Незнакомец вошёл не тайно.

Он просто оказался лишним человеком в группе, которую никто не считал.

Соболев велел собрать в музыкальном зале оставшихся слуг, музыкантов и Чернова.

Мария стояла у окна.

Фон Рейн сидел неподалёку и листал книгу, взятую с полки. Его присутствие раздражало Лебедева уже само по себе.

— Вы собираетесь позволить ему смотреть? — спросил тот.

— Да.

— Почему?

— Хочу видеть, на что смотрит он.

Чернова привели первым. Актёр выглядел хуже, чем несколько часов назад.

Соболев положил перед ним фрак, парик, усы и обувь.

— Наденьте.

Чернов нахмурился.

— Сейчас?

— Сейчас.

— Я уже признал, что играл Михаила.

— Сегодня будете играть Вельского.

— Я его почти не изображал.

— Вчера кто-то сумел.

Чернов несколько секунд смотрел на костюм, затем взял. Переодевание заняло меньше десяти минут. Когда он вернулся, зал стих.

Фрак расширял плечи. Высокая обувь прибавляла рост. Парик изменил линию лба, усы закрыли верхнюю губу.

Чернов пошёл по коридору. Хромал на правую ногу. Мария наблюдала внимательно.

Соболев остановил актёра возле кабинета.

— Скажите: «Я должен взять бумаги. Вернусь через пять минут».

Чернов опустил подбородок, сделал голос глуше:

— Я должен взять бумаги. Вернусь через пять минут.

Корсаков, оставшийся после повторного опроса, резко повернул голову.

— Похож.

Крестовский побледнел.

— Очень.

Соболев посмотрел на Марию.

— Вы?

Она не спешила.

— Лицо — возможно. Походка — почти. Голос хуже.

Чернов раздражённо снял усы.

— Вчера было темно.

— Именно, — сказал Соболев. — И генерал первым называл человека Вельским.

Корсаков нахмурился.

— Я его узнал.

— Вы увидели знакомый фрак, фигуру, хромоту и сказали имя. После этого остальные уже смотрели на Вельского.

— Хотите сказать, я сам создал свидетеля?

— Нет. Только помог гриму.

Корсаков отвернулся.

Соболев снова посмотрел на Марию.

— Что не совпадает?

Она подошла ближе к Чернову.

— Руки.

Актёр удивился.

— Что с ними?

— Вчера человек постоянно держал левую руку возле живота.

Соболев вспомнил дворецкого Мещерского.

— Касался цепочки часов?

Мария посмотрела на него.

— Да.

— Какая цепочка?

— Тёмная. Не золотая.

Веденин вмешался:

— Николай Аркадьевич носил золотую.

— На теле она была, — сказал Лебедев.

Значит, двойник пользовался собственными часами. И не сумел избавиться от привычки.

— Брелок? — спросил Соболев.

Мария задумалась.

— Круглый.

Та же деталь. Человек, посетивший Мещерского ночью, носил тёмную цепочку с круглым брелоком. Человек, изображавший Вельского, — тоже.

— Теперь это уже интересно, — сказал Лебедев.

Фон Рейн отложил книгу.

— Привычку сложнее заgrimировать, чем лицо.

Соболев посмотрел на него.

— У вас есть такие часы?

Фон Рейн вынул из кармана золотые часы. Без цепочки.

— Нет.

— Могли вчера носить другие?

— Мог.

— Носили?

— Нет.

— Доказать сможете?

— Нет.

Лебедев едва слышно фыркнул.

Соболев продолжил проверку.

У Корсакова была золотая цепочка. У Крестовского серебряная. У Веденина — тёмная стальная с круглым брелоком. Мария сразу заметила сходство. Управляющий побледнел.

— Такие цепочки продаются повсюду.

— Верно, — сказал Соболев.

— Вы подозреваете меня?

— Пока только смотрю.

— Я находился в зале.

— Кто помнит?

Веденин оглядел слуг. Никто не ответил уверенно.

Он обслуживал весь дом и постоянно переходил из комнаты в комнату. Это давало алиби, которое невозможно было проверить.

Но Соболева настораживало другое.

— Где находились часы вчера вечером?

— На мне.

— Всегда?

— Да.

— Кто знает?

Экономка подтвердила: Веденин действительно почти никогда не расставался со своими часами.

Соболев вернул их.

— Пока достаточно.

Управляющий выдохнул.

Фон Рейн наблюдал.

Соболев заметил, что тот смотрел не на Веденина.

На Чернова.

— Что? — спросил он.

Фон Рейн не стал скрывать.

— Год назад, когда Чернов изображал Михаила перед Ме-

Черским, я находился в том же ресторане.

Чернов побледнел.

— Вы?

— За соседним столом.

— Почему следили?

— Получил анонимное предупреждение.

Соболев подошёл ближе.

— Что в нём было?

— «Вельский сегодня воскресит мёртвого».

— Письмо сохранили?

— Нет.

— Почему?

— Не счёл важным.

Лебедев усмехнулся.

— Разумеется.

— Тогда я ещё не знал, что спектакль повторят.

— Кто видел Чернова кроме Мещерского?

Фон Рейн вспомнил.

— Официант. Вельский через стекло соседней комнаты.

Управляющий. И женщина.

Соболев остановился.

— Какая?

— Сидела в зимнем саду ресторана. Лицо закрывала вуаль.

— Видели руки?

Фон Рейн посмотрел на него.

— Чёрные перчатки.

Мария медленно повернулась.

— Вы уверены?

— Да.

— Почему запомнили?

— Она сняла одну, чтобы поправить застёжку сумочки.

— Какую руку?

— Левую.

— Возраст?

— Не видел лица.

— Голос?

— Не слышал.

— Она наблюдала за представлением?

— Да.

— Вельский её заметил?

— Не знаю.

Соболев почувствовал, как новая фигура вошла в дело без имени.

Женщина присутствовала при старом спектакле.

Теперь тот же спектакль повторили в доме Вельского.

— Вчера днём к Николаю Аркадьевичу приходила женщина, — неожиданно сказал Веденин.

Соболев повернулся.

— Вы раньше не упоминали.

Управляющий опустил глаза.

— Вчера среди всего остального не счёл важным.

— Теперь считайте важным всё.

— Она приехала около четырёх. В вуали.

— Имя?

— Не назвала. Показала записку хозяина.

— Перчатки?

Веденин кивнул.

— Чёрные.

Мария посмотрела на фон Рейна.

— Та же?

— Не могу знать.

— Сколько пробыла?

— Около получаса.

— Где?

— В кабинете.

— Что произошло после?

Веденин помедлил.

— Николай Аркадьевич приказал принести старый костюм.

Соболев медленно повернулся к Чернову.

— Тот самый?

— Да.

— Значит, Вельский сам подготовил двойника ещё до вечера.

— Да.

Это меняло многое.

Человек, изображавший Вельского после его смерти, не

проник в дом с собственным костюмом. Костюм приготовил сам Вельский.

— Для кого?

— Не сказал.

— Парик?

— Взяли из сумки господина Чернова.

Актёр вскочил.

— Без моего разрешения?

— По приказу хозяина.

— Кто принёс в малый салон?

— Я.

— Получатель?

— Никого не видел. Положил за ширмой.

— Обувь?

— Там же.

— Когда?

— Около семи.

— Значит, за два часа до приёма.

Соболев отошёл к окну.

Вельский планировал собственный спектакль. Как Кайсаров двадцать один год назад.

И кто-то снова воспользовался готовой инсценировкой после смерти автора.

Повторение становилось почти точным.

— Женщина в вуали могла предложить ему идею? — спросил Лебедев.

— Могла.

— Могла же и отравить.

— Могла.

— Почему не ищем её?

— Уже ищем.

Соболев повернулся к Веденину.

— Как ушла?

— Через парадную дверь. Села в закрытый экипаж.

— Герб был?

— Нет.

— Кучер?

— Старик. Серый армяк.

— Швейцар видел лицо?

— Нет.

— Что-нибудь несла?

Веденин задумался.

— Когда пришла — ничего. Когда уходила — небольшую коробку.

— Вельского?

— Вероятно.

— Размер?

Он показал руками. Плоская коробка, примерно с книгу. В неё могли поместиться письма.

Фотография. Или часы.

Соболев посмотрел на Мариины руки.

— Вчера вечером вы были в перчатках?

— В начале приёма.

— В каких?

— Чёрных.

Лебедев повернулся.

— Длинных?

— До локтя.

— Где они сейчас?

Мария нахмурилась.

— Оставила в дамской комнате.

— Забрали после?

— Нет. Забыла.

— Найти, — сказал Соболев.

Горничную отправили немедленно. Она вернулась через несколько минут.

Перчаток не было. Мария выглядела скорее удивлённой, чем испуганной.

— Кто мог войти туда?

— Почти все женщины на приёме.

— И прислуга.

— Да.

Фон Рейн тихо сказал:

— Теперь у вас появилась готовая женщина в чёрных перчатках.

Соболев повернулся.

— Что вы имеете в виду?

— До этой минуты существовала неизвестная женщина.

Теперь у неё появились перчатки Марии Андреевны.

Мария побледнела.

— Вы думаете, их украли намеренно?

— Если найдутся рядом с новой уликой, узнаем.

— Не подсказывайте преступнику следующий ход, — сказал Соболев.

— Если он нас слышит сейчас, ход уже сделан.

В дверь вошёл агент.

— Дмитрий Петрович, нашли светловолосого лакея.

— Где?

— Меблированные комнаты возле Обводного канала.

— Задержан?

— Сам попросил полицию.

— Имя?

— Фёдор Ларин.

— Что говорит?

Агент посмотрел на Марию.

— Утверждает, что женщина в чёрных перчатках заплатила ему за то, чтобы подать Вельскому бокал.

В музыкальном зале стало тихо.

Соболев не отвёл взгляда от агента.

— Имя женщины назвал?

— Говорит, знает лицо.

Лебедев уже взял пальто.

— Теперь хотя бы есть свидетель.

Соболев остался на месте.

— Слишком быстро.

— Что?

— Вчера никто не знал, кто такой лакей. Сегодня его находят живым, готовым говорить и узнавать женщину.

— Это плохо?

— Это удобно.

Он посмотрел на Марию. Она поняла раньше остальных.

— Вы думаете, он назовёт меня.

— Возможно.

— Потому что мои перчатки исчезли.

— И потому что неизвестный знает, что вы искали Андрея.

Лебедев нахмурился.

— Если свидетель укажет на неё, мы обязаны проверить.

— Разумеется. Но сначала он будет говорить, не видя ни одной женщины из дома.

— Почему?

— Чтобы память не получила новое лицо раньше показаний.

Мария медленно кивнула.

— Разумно.

Соболев обратился к агенту:

— Два человека остаются с Лариным. Не давать еды, воды или лекарств, которых не принесёт наш врач. Никого к нему не впускать.

— Он уже пил воду в гостинице.

Соболев замер.

— Когда?

— До прибытия наших людей.

— Кто дал?

— Хозяин говорит, какая-то женщина оставила графин.

— Можете ее описать?

— Только вуаль.

Фон Рейн закрыл глаза.

Лебедев выругался.

— Чёрные перчатки?

— Да.

Соболев взял пальто.

— Теперь едем быстро.

Мария шагнула к нему.

— Я должна присутствовать, если он собирается назвать меня.

— Именно поэтому нет.

— Вы хотите услышать обвинение без меня?

— Я хочу услышать то, что он помнит до того, как увидит вас.

— А после?

Соболев задержался.

— Если останется возможность, проведём опознание.

Эти слова прозвучали мрачнее, чем он хотел.

Они уехали.

В гостиничной комнате Фёдор Ларин сидел на кровати,

завернувшись в одеяло.

Ему было не больше двадцати пяти. Светлые волосы, худое лицо, небольшой шрам на левой щеке.

Он выглядел испуганным. Не виновным.

Но Соболев давно перестал считать эти состояния несоместимыми.

— Вы статский советник? — спросил Ларин.

— Да.

— Я не знал, что в бокале яд.

Соболев сел.

— Начните с того, кто вас нанял.

Ларин сглотнул.

— Женщина. Три дня назад. В трактире на Лиговке.

— Имя?

— Назвалась Анной Климовой.

— Видели лицо?

— Сначала нет.

— А потом?

— Вчера на приёме.

Соболев не перебивал.

Ларин рассказал: женщина заплатила сто рублей. Велела устроиться временным лакеем, получить форму и в определённый момент взять бокал с подноса возле зимнего сада. Сказала, внутри лекарство — Вельскому станет плохо, и он не сможет подписать какие-то бумаги.

— Вы должны были отравить, но не убить, — подвёл Со-

болев.

— Я думал, это просто лекарство.

— Кто поставил бокал?

— Не видел. Он уже стоял.

— Как вы поняли, какой?

— Под ножкой была белая салфетка.

— Кто сказал?

— Женщина.

— Вчера она подошла к вам?

— Да.

— Где?

— Возле зимнего сада.

— Что сказала?

— «Время».

— Лицо видели?

Ларин кивнул.

— Узнаете?

— Да.

Соболев подался немного вперёд.

— Опишите, не называя имени.

Молодой человек замялся.

Это была первая трещина.

— Тёмные волосы. Молодая. Высокая.

— Возраст?

— Около тридцати.

— Цвет глаз?

Ларин растерялся.

— Не помню.

— Нос?

— Обычный.

— Особые приметы?

— Нет.

— Одежда?

— Тёмная.

— Какого цвета?

— Чёрная.

Мария была в синем.

Соболев продолжал спокойно:

— Украшения?

— Не помню.

— Голос?

— Низкий.

— Перчатки?

— Чёрные.

— На обеих руках?

Ларин быстро ответил:

— Да.

Слишком быстро.

— Вы уверены?

— Да.

— Тогда называйте.

Ларин выдохнул:

— Мария Андреевна Львова.

Лебедев перестал писать. Соболев не изменился в лице.

— Откуда знаете её имя?

— Женщина сказала.

— Когда?

Ларин замолчал.

— В трактире она назвалась Климовой. На приёме вы утверждаете, что узнали Львову. Когда узнали имя?

— Потом.

— Когда именно?

— Не помню.

Соболев откинулся.

— Вам показали фотографию.

Ларин побледнел.

— Нет.

— До приёма. И велели назвать женщину с фотографии, если полиция найдёт вас.

Молодой человек посмотрел на дверь.

— Я сказал правду.

— Вы видели женщину в вуали. Но не лицо Марии Льво-
вой.

Ларин молчал.

— Фёдор, вас уже отравили.

Он резко поднял голову.

— Что?

— Женщина оставила вам воду. Если она хочет убрать

свидетеля, времени немного. Сейчас ваша защита — только правда.

Страх на лице стал настоящим.

— Она сказала, ничего не будет.

— Кто?

— Та женщина.

— Фотографию показывала?

Ларин медленно кивнул.

— Да.

— Это была Мария?

— На фотографии — да.

— Настоящую вы вчера видели?

— Издали.

— Разговаривали?

— Нет.

— Кто передал бокал?

— Мужчина.

Лебедев поднял голову.

— Какой?

— Высокий. В сером пальто.

— Лицо?

— Плохо видел.

— Борода?

— Да.

— Шрам?

— На виске.

— Часы?

Соболев спросил это почти машинально.

Ларин посмотрел удивлённо.

— Да.

— Что с ними?

— Всё время трогал цепочку.

— Тёмную?

— Да.

— Круглый брелок?

— Кажется.

Третий свидетель. Одна привычка.

Соболев почувствовал, что впервые держит не подготовленную улику, а реальный след.

Ларин вдруг схватился за живот.

— Мне плохо.

Он согнулся.

Лебедев вскочил.

— Врача!

Ларин упал на бок, тяжело хватая воздух.

Соболев поддержал голову.

— Кто дал воду?

— Женщина...

— Лицо?

— Не видел...

— Что ещё?

Молодой человек попытался сказать, но мышцы свело.

Врач прибежал через несколько минут. Было поздно. Фёдор Ларин умер.

На тумбочке стоял пустой графин. В кармане его пальто нашли чёрную шахматную пешку.

На основании была выгравирована буква «К».

Лебедев смотрел на неё мрачно.

— Теперь две пешки.

— Белая возле жертвы. Чёрная возле исполнителя.

— Значит, фон Рейн прав.

— В чём?

— Пешки — люди, которыми двигают.

Соболев посмотрел на мёртвого Ларина.

— Это пока первое объяснение, которое не пытались оставить на виду.

У окна раздался крик городского:

— Экипаж!

Соболев подошёл.

Внизу у гостиницы стояла закрытая карета. Кучер — в сером армяке.

В тот момент, когда он увидел людей в окне, ударил лошадь. Экипаж рванул вперёд.

Лебедев бросился вниз.

Соболев остался.

Он уже понимал, что не успеют.

Через минуту Лебедев вернулся злой и запыхавшийся.

— Ушёл.

— Что-нибудь осталось?

— Да.

Он положил на стол длинную чёрную перчатку.

Нашли там, где стоял экипаж.

Соболев взял через платок.

Тонкая дорогая кожа.

На внутренней стороне красными чернилами было написано:

«Поверьте».

Лебедев посмотрел на него.

— Чему?

Соболев перевернул перчатку.

На подкладке возле шва виднелась маленькая вышитая буква.

«М».

Он ничего не сказал. Лебедев заметил сам.

— Мария.

— Возможно.

— Её перчатки исчезли.

— Именно поэтому я не верю этой находке.

Соболев положил перчатку рядом с чёрной пешкой.

Теперь преступник не просто создавал чужие лица. Он собирал человека по частям.

Чужой костюм. Чужая походка. Чужой почерк. Чужие часы. Чужие перчатки.

И каждый раз оставлял ровно столько правды, чтобы ложь

выглядела убедительно.

На улице уже начинало темнеть.

Где-то в городе ехала карета с кучером в сером армяке.

Возможно, внутри сидела женщина. Возможно, мужчина.

Возможно, никого.

Соболев смотрел на вышитую букву «М». Впервые убийца предложил ему не имя. Лицо.

Именно поэтому ему следовало смотреть в другую сторону.

Глава IV. Женщина в чёрных перчатках

«Чем охотнее улика называет виновного, тем внимательнее следует смотреть на того, кто положил её на стол».

Из записок судебного следователя А. Р., 1895 год

Чёрная перчатка лежала в кабинете Соболева рядом с шахматной пешкой.

Тонкая кожа хорошей выделки. Длинная, почти до локтя. На подкладке возле шва — маленькая вышитая буква «М».

Внутри красными чернилами было написано:

«Поверьте».

Соболев не любил улики, которые обращались к следователю напрямую.

Они всегда чего-то хотели.

За окнами уже темнело. После почти двух суток без сна

Петербург казался неподвижным, словно и город ждал, чем закончится история в доме Вельского.

Лебедев стоял возле эксперта.

— Её действительно носили?

— Да. На коже есть старые складки по пальцам. Вещь не новая.

— Следы?

— Смазанные. Ничего пригодного.

Соболев рассматривал внутренний шов.

— Вышивка сделана давно?

Эксперт взял лупу.

— Нить потёрта. Не вчерашняя работа.

Значит, букву «М» добавили не после кражи.

Мария действительно говорила, что её перчатки были помечены.

Теперь одна лежала возле гостиницы, где умер человек, пытавшийся обвинить её в убийстве.

Слишком удобно.

— Что за порошок? — спросил Соболев.

Возле запястья белело небольшое пятно.

Эксперт соскоблил крупинку на стекло.

— Может быть пудра, мел или лекарство. Нужно исследовать.

— Сравните с порошком у окна кабинета Вельского.

Эксперт ушёл.

Лебедев взял записку.

— «Поверьте». Во что?

— В следующую версию.

— Вы уже решили ей не верить?

— Я решил не делать за преступника его работу.

На столе стояли часы Андрея Львова — те самые, найденные после взрыва и переданные Марией для осмотра.

Закопчённый корпус. Треснувшее стекло. Остановившиеся стрелки.

Соболев хотел было взять их, но в дверь постучали.

Алексей Степанович внёс чай и горячую картошку.

— Вы опять забыли поесть.

— Теперь уже поздно напоминать об обеде.

— Поэтому напоминаю об ужине.

Лебедев с интересом посмотрел на поднос.

— Сергей Иванович тоже не ел, — заметил камердинер.

— Я ничего не просил.

— Потому и получите бутерброды.

Соболев едва заметно улыбнулся.

Домашняя сцена длилась меньше минуты, но после суток среди трупов, отравленных лекарств и чужих лиц она казалась почти неправдоподобно нормальной.

Алексей Степанович уже направился к двери, когда вспомнил:

— Ещё письмо.

На подносе лежал небольшой конверт. Ни имени, ни печати.

Внутри было: «Вы ищите женщину в перчатках. Ищите того, кому понадобилось, чтобы она их сняла».

Лебедев прочёл через плечо.

— Фон Рейн.

— Почему?

— Его манера.

— Его манеру уже знают слишком многие.

Мальчик, доставивший письмо, получил двадцать копеек возле Летнего сада от высокого господина в сером пальто. Больше ничего не запомнил.

Соболев положил записку рядом с перчаткой.

— Фон Рейн знает, что мы её нашли.

— Мог догадаться.

— Или кто-то сообщил.

— Или оставил сам.

— Уже лучше.

— Что?

— Вы начали сомневаться без моей помощи.

Через час они снова были в доме Вельского.

Особняк изменился. Экипажи разъехались, музыка стихла. Цветы в вазах начали вянуть. На столах оставались забытые бокалы, веера и программы. Полицейские двигались по комнатам свободнее слуг.

Веденин встретил Соболева на лестнице.

— Нашли ещё одну вещь.

— Где?

Управляющий помедлил.

— В спальне Елены Николаевны.

Соболев понял раньше, чем тот договорил.

— Перчатки?

— Да.

Шкатулка на кровати была открыта. Внутри лежала пара длинных чёрных перчаток. Одна испачкана вином. На другой возле пальцев виднелись белые кристаллы.

Эксперт работал у окна.

— Предварительно цианистый калий.

Лебедев посмотрел на Соболева.

— Теперь у нас есть женщина.

— Пока только ещё одна пара перчаток.

Елена вошла через несколько минут. Она увидела шкатулку и остановилась. Сначала на её лице появилось удивление. Потом страх.

— Это не мои.

— Они лежали среди ваших вещей, — сказал Соболев.

— Именно поэтому их туда положили.

— Кто мог войти?

Горничная перечислила: Елена, сама горничная, Мария Львова и Веденин, приносивший бумаги.

Дверь после убийства почти не запиралась.

— Значит, это ничего не доказывает, — сказала Елена.

— Пока.

Она нахмурилась.

— Вы действительно допускаете, что я убила отца?

— У вас был мотив.

— Наследство?

— И вчерашняя ссора.

Елена подошла к окну.

— Если хотите услышать, что я иногда ненавидела отца,

— да. Вчера особенно.

— Почему?

— Он назвал мою мать трусихой. Сказал, что она знала, откуда взялись наши деньги, и всё равно осталась с ним.

Соболев вспомнил её прежние слова: Вельский слишком долго жил на чужие деньги.

— Ссора была в кабинете?

— Да, около половины десятого.

— На столе уже стояло вино?

— Да. Отец держал бокал.

— Вы касались?

— Нет.

— Видели, кто налил?

— Нет.

Она посмотрела на шкатулку.

— Я скрыла встречу, потому что понимала, как она будет выглядеть после смерти.

— Теперь выглядит хуже.

— Знаю.

Горничная подтвердила: вечером Елена носила короткие

белые перчатки. Длинных чёрных у неё не было.

— Мария Андреевна заходила сюда после убийства? — спросил Соболев.

— Да.

Мария, стоявшая в коридоре, вошла сама.

— Я была здесь несколько минут. Хотела узнать, что Вельский говорил об Андрее.

Елена посмотрела на неё.

— Вы оставались возле шкатулки одна.

— А вы стояли у окна.

— Этого достаточно.

— Чтобы подбросить улику против самой себя?

Елена ответила слишком быстро:

— Если рассчитывать, что именно так и подумают.

— Хватит, — сказал Соболев.

Спор прекратился. Именно этого он и хотел. Обе уже начали говорить не о событиях, а о возможных версиях.

Эксперт подошёл ближе.

— Дмитрий Петрович, есть одна странность.

Он показал кристаллы на ткани.

— Яд нанесён после того, как пятно вина высохло.

— То есть перчаткой не держали отравленный бокал?

— Скорее всего, нет. Иначе часть вещества растворилась бы.

Лебедев нахмурился.

— Значит, яд добавили специально.

— Чтобы перчатка выглядела уликой, — сказал Соболев.
Елена выдохнула.

— Это снимает подозрение?

— Ослабляет одну улику.

Эксперт продолжил:

— И ещё. Эти перчатки не составляют пару.

Он положил их рядом.

Правая была французской работы. Левая — петербургской копией.

Сходство хорошее, но швы и кожа различались.

— Одну заменили, — сказал Соболев.

Перчатку, найденную возле гостиницы Ларина, принесли из пакета.

Обе левые положили рядом.

На гостиничной возле шва была вышита «М».

Мария посмотрела.

— Моя.

— Уверены?

— Да.

Вторая была только похожа.

Соболев перевёл взгляд на правую перчатку из шкатулки.

— Получается, настоящая левая принадлежит Марии. Правая — другой женщине. А сюда положили поддельную левую, чтобы создать пару.

Лебедев медленно догадался.

— Один образ собрали из двух женщин.

Мария посмотрела на Елену.

— Моей перчаткой связали женщину с Лариным.

— А правую спрятали у меня, — сказала Елена. — Чтобы связать ту же женщину с домом отца.

Соболев кивнул.

Не преступник изобрёл подозрение. Он собрал его из настоящих вещей.

Фон Рейн появился в дверях и проговорил:

— Как вчера Вельского.

Соболев обернулся.

— Вы должны быть в гостинной.

— Агент стоит снаружи. Я не уходил.

— Но пришли сюда.

— Услышал достаточно, чтобы понять смысл.

Соболев не любил, когда фон Рейн приходил к той же мысли почти одновременно.

— Какой?

— Кто-то создаёт не убийцу, а узнаваемый образ. Настоящая перчатка, чужая перчатка, известная женщина — и память сама соединяет детали.

— Вы уверены, что женщина вымышлена?

— Нет. Возможно, она существует. Но вам показывают не её, а конструкцию.

Мария посмотрела на правую перчатку.

— Кому принадлежит эта?

Фон Рейн приблизился.

— Проверьте запах.

Лебедев устало произнёс:

— Теперь ещё и духи.

Эксперт осторожно поднёс кожу.

— Фиалка.

Соболев посмотрел на фон Рейна.

— Вы знали.

— Вельский писал мне о женщине, приходившей последние недели. Упоминал фиалковые духи.

— Где письмо?

— В гостинице.

— Доставьте.

— Сейчас?

— Сейчас.

Фон Рейн пожал плечами. Двух агентов отправили вместе.

Елена всё ещё смотрела на перчатки.

— Я видела эту женщину.

Соболев повернулся.

— Без вуали?

— Один раз. Три недели назад. Она выходила из кабинета отца и подняла вуаль на лестнице.

— Опишите.

Елена закрыла глаза.

— Около сорока пяти. Тёмные волосы с сединой. Очень светлые глаза. Родинка на правой щеке.

Она посмотрела на портрет матери. Соболев проследил

ВЗГЛЯД.

Сходство было очевидно даже по старому портрету.

— У вашей матери была сестра?

— Близнец. Наталья.

— Где она?

— Погибла.

Фон Рейн тихо сказал:

— Её считали погибшей.

Елена резко обернулась.

— Какая разница?

— Тела не нашли.

— Откуда вам известно?

— Наталья была связана с делом Кайсарова.

Соболев почувствовал, как прошлое снова приблизилось.

— Каким образом?

— Она была невестой Алексея Гордина.

— Секретаря Кайсарова?

— Да.

— Потом вышла за самого Кайсарова?

— Да.

Елена медленно села.

— Мама никогда этого не рассказывала.

— В вашей семье вообще многое не рассказывали.

Соболев посмотрел на фон Рейна.

— После смерти Кайсарова Наталья исчезла?

— Через несколько недель.

— У неё был ребёнок?

На этот раз фон Рейн ответил не сразу.

— Сын.

— От Кайсарова?

— Так значилось в документах.

— А вы сомневаетесь?

— Да.

Соболев оставил вопрос открытым. Пока.

— Что женщина требовала от Вельского? — спросил он Елену.

— Я слышала только однажды. Она сказала: «Я не возьму ваших денег. Верните имя».

Фон Рейн произнёс:

— Гордина.

— Откуда уверенность?

— Наталья пыталась очистить его ещё в 1891 году.

Лебедев посмотрел на Соболева.

— Вот и мотив. Вельский разрушил жизнь Гордина, забрал состояние Кайсарова. Она возвращается через двадцать один год.

— Мотив есть, — ответил Соболев. — Убийцу пока рано назначать.

Агенты вернулись из гостиницы. Номер фон Рейна оказался открыт.

Охранник утверждал, что никто не входил.

Письмо лежало на столе. Соболев прочёл:

«Александр Константинович. Она вернулась. Я видел лицо. Это Наталья.

Она требует, чтобы я признался в подлоге против Гордина и вернул то, что принадлежит её сыну. Денег не принимает. Носит чёрные перчатки. Духи — фиалка. Я боюсь не её.

Я боюсь человека, который привёл её ко мне.

Н. Вельский».

Внизу другой рукой красными чернилами было приписано:

«Он снова солгал».

Фон Рейн смотрел на эти слова дольше обычного.

— Раньше этого не было?

— Нет.

— Вы уверены?

— Да.

Красные чернила совпадали по цвету с надписью внутри перчатки.

Соболев перечитал строку о сыне.

— Вельский собирался что-то ему вернуть.

— Вероятно, часть состояния.

— Значит, новое завещание связано не с благотворительностью.

— Похоже.

Елена подняла голову.

— Мне хотели оставить только то, что отец считал своим.

Никто не ответил. Снизу донёсся шум. Веденин появился

у двери.

— Дмитрий Петрович... в зимнем саду женщина.

— Какая?

Он посмотрел на чёрные перчатки.

— В чёрном.

Лебедев потянулся к револьверу.

— Уберите оружие, — сказал Соболев. — Выходы перекрыть.

В зимнем саду уже сгущались сумерки. Под стеклянной крышей темнели пальмы и мраморные фигуры. Женщина стояла возле сухого фонтана. Чёрное платье. Вуаль.

Руки обнажены. Она не пыталась бежать.

Соболев остановился в нескольких шагах.

— Снимите вуаль.

— Лучше поговорить без свидетелей.

— В этом доме уже достаточно разговоров без свидетелей.

Женщина несколько секунд смотрела на него.

Потом подняла руки. Вуаль упала. Елена тихо вдохнула.

Сходство с портретом Софьи было поразительным.

Те же светлые глаза, линия носа, губы. Только лицо стало жёстче. На правой щеке — маленькая родинка.

— Тётя Наталья...

Женщина посмотрела на Елену.

— Ты похожа на мать.

— Вы живы.

— Да.

Соболев не позволил сцене затянуться.

— Наталья Сергеевна Кайсарова?

— Да.

— Вы приходили к Вельскому вчера днём?

— Да.

— Были здесь вечером?

Небольшая пауза.

— Да.

— Как вошли?

— Вместе с гостями княгини Оболенской.

— Княгиня знала?

— Нет.

— Зачем?

Наталья посмотрела в сторону кабинета.

— Вельский обещал признать, что Гордин был невиновен.

— Публично?

— Да.

— И всё-таки подготовил костюм двойника.

В её лице появилось раздражение.

— Потому что до конца оставался Вельским. Он хотел превратить признание в насмешку. Сначала показать гостям человека, похожего на мёртвого Михаила. Потом заявить, что двадцать один год все верили выдумкам испуганного свидетеля.

— Вы знали о плане?

— Узнала днём. Пыталась остановить.

— Отравили его?

— Нет.

— Нанимали Ларина?

— Нет.

Соболев показал правую перчатку.

— Ваша?

Наталья взглянула.

— Да.

Лебедев сразу напрягся.

— Где вторая?

— Потеряла вчера в дамской комнате.

Мария шагнула ближе.

— Там же исчезли мои.

Наталья посмотрела на неё.

— Я видела ваши на столике.

— Видели, кто взял?

Наталья перевела взгляд на Елену.

— Она.

Елена побледнела.

— Это неправда.

— Ты вошла после меня и взяла чёрную перчатку.

— Вы уверены, что вашу? — спросил Соболев.

Наталья повернулась к нему.

— Я видела.

— Чёрную перчатку или именно свою?

Пауза.

— Чёрную.

— Две пары лежали рядом.

— Да.

— Значит, вы не знаете, чью она взяла.

Наталья нахмурилась, но возразить не смогла.

Соболев посмотрел на Елену.

— Вы брали?

Она молчала несколько секунд.

— Да.

Мария резко повернулась.

— Зачем?

— Хотела узнать, принадлежит ли она женщине, приходившей к отцу.

— Каким образом?

— По запаху. В кабинете несколько раз пахло фиалкой. Я хотела показать перчатку старой горничной матери.

— Почему тайно? — спросил Соболев.

— Отец запретил мне вмешиваться.

— Где оставили?

— В своей комнате. На туалетном столике.

— Не в шкатулке?

— Нет.

Горничная покачала головой.

— Я её там не видела.

— Значит, кто-то перенёс, — сказала Елена.

— Или вы сейчас меняете место, — заметил Лебедев.

Елена посмотрела на него.

— Если бы хотела спрятать, не оставляла бы на столике.
Соболев остановил спор.

Теперь последовательность выглядела значительно интереснее. Наталья пришла тайно.

Мария оставила свои перчатки. Елена взяла одну из лежавших рядом. Кто-то забрал её из комнаты. Кто-то добавил чужую вторую перчатку. Кто-то нанёс яд.

Ни одного поступка преступнику не пришлось придумать с нуля.

Он лишь переставлял уже произошедшие действия так, чтобы они стали подозрительными.

— Где ваш сын? — спросил Соболев.

Наталья сразу напряглась.

— Он не имеет отношения к убийству.

— Вельский собирался вернуть ему имущество.

— Откуда знаете?

Соболев показал письмо.

Она прочла несколько строк. Лицо изменилось.

— Где Алексей?

— Не знаю.

— Вы вернулись ради него?

— Да.

— И не видели двадцать один год?

— Нет.

Елена смотрела потрясённо.

— Кто забрал ребёнка?

Наталья медленно повернула голову.

На фон Рейна.

— Он.

Лебедев замер. Фон Рейн не двинулся.

— Это правда? — спросил Соболев.

— Я организовал отъезд ребёнка после смерти Кайсарова.

— Куда?

— В Финляндию.

— С кем?

Фон Рейн помедлил.

— С Михаилом Львовым.

Наталья шагнула к нему.

— Вы обещали, что они поедут раздельно.

— План пришлось изменить.

— А потом?

— Я потерял их след.

— Потеряли младенца и взрослого свидетеля одновременно?

— Да.

— Или отдали Вельскому?

— Нет.

В голосе Натальи впервые появилась настоящая ярость.

— Двадцать один год вы повторяете одно и то же.

Фон Рейн ответил тихо:

— Потому что другого ответа у меня нет.

Соболев встал между ними.

— Хватит.

Наталья отступила.

Но Соболев уже понял главное. Для неё фон Рейн был не просто бывшим следователем.

Он был человеком, которому она доверила ребёнка и который не сумел его вернуть.

Это создавало ещё один старый долг.

В дверях появился агент.

— Срочное сообщение из гостиницы Ларина.

— Говорите.

— Хозяин вспомнил женщину, которая оставила графин с водой.

— Видел лицо?

— Нет. Но она приехала не одна.

— С кем?

— С молодым мужчиной. Светлые волосы. Шрам на левой щеке.

Лебедев нахмурился.

— Ларин?

— Нет. В это время Ларин уже находился наверху.

Существовал второй светловолосый молодой человек.

Или второй человек, носивший ту же внешность.

— Куда ушёл? — спросил Соболев.

— Сел в экипаж вместе с женщиной. Кучер в сером армяке.

— У вашего сына был шрам? — спросил Соболев Наталью.

— Нет.

— Особая примета?

— Родимое пятно под левым ухом.

Значит, молодой человек мог быть кем угодно. Но возраст подходил.

И кто-то явно хотел, чтобы мысль о сыне появилась именно сейчас.

Соболев распорядился оставить Наталью в доме под охраной.

— Я не арестована, — сказала она.

— Нет.

— Значит, могу уйти.

— Можете. Но человек, который украл вашу перчатку, знает о сыне больше нас. Возможно, на улице он ждёт именно этого.

Она подумала и согласилась.

Когда остальные начали расходиться, Соболев задержал фон Рейна.

— Имя адвоката приюта Святой Екатерины вы помните? Тот не стал притворяться.

— Да.

— Кто это?

— Крестовский.

— Раньше вы сказали обратное.

— Не хотел произносить имя при Елене.

— Почему?

— В 1891 году Крестовский оформлял документы, по которым ребёнок Натальи считался умершим.

Соболев замер.

— Поддельное свидетельство?

— Да.

— Значит, он знал, что ребёнок жив.

— В тот момент — знал.

— И вчера находился рядом с Вельским.

— Да.

— Почему вы молчали?

Фон Рейн посмотрел устало.

— Потому что Крестовский двадцать один год строит защиту раньше, чем понимает обвинение. Если он узнает, что мы говорим о ребёнке, исчезнет.

Соболев повернулся к двери.

— Где он сейчас?

Лебедев, услышав вопрос, заглянул в записи.

— Отпустили домой около двух часов назад.

Соболев посмотрел на агента.

— Немедленно проверить.

Ответ пришёл через сорок минут. Крестовского дома не было.

Слуга рассказал: хозяин вернулся, сжёг несколько бумаг, забрал металлический футляр и снова уехал.

— Куда?

— В клуб «Шестой час».

Фон Рейн резко поднял голову.

Соболев заметил.

— Что за клуб?

— Закрытое общество.

— Вы являетесь членом?

— Был.

— А Крестовский?

— Один из учредителей.

— Вельский?

— Да.

— Мещерский?

— Да.

— Андрей Львов?

Пауза.

— Да.

Ещё одна связь.

И снова фон Рейн сообщил её лишь тогда, когда скрывать стало невозможно.

— Чем занимались?

— Судебная психология. Память. Ложные признания. Поведение свидетелей.

— Почему «Шестой час»?

— Основатель считал, что к вечеру человек хуже удерживает подготовленную ложь.

— Кто основатель?

Фон Рейн посмотрел на Соболева.

— Я.

Лебедев тихо произнёс:

— Наконец-то.

Соболев уже взял пальто.

— Едем.

В этот момент из зимнего сада донёсся короткий крик.

Все бросились туда. Натальи не было.

Женщина-полицейский лежала возле двери без сознания.

Окно открыто.

На подоконнике — несколько капель крови. Штора разорвана. Слишком аккуратно.

Соболев коснулся края ткани.

— Похищение?

Лебедев выглянул в сад.

— Следы идут к задним воротам.

— Одного человека?

— Плохо видно.

На столике стоял стакан воды. Рядом лежала белая шахматная фигура. Конь.

На основании было выгравировано:

«Сын».

Под фигурой — записка.

«Женщина в чёрных перчатках больше не нужна. Теперь ищите того, ради кого она вернулась».

Лебедев посмотрел на открытое окно.

— Её забрали.

Соболев осмотрел кровь. Капли лежали только на подоконнике. На полу крови не было.

— Или она ушла сама.

— Зачем инсценировать похищение?

— Чтобы мы искали того, кто её похитил, а не то, куда она отправилась.

— К сыну?

Соболев взял белого коня.

— Возможно.

Он ещё раз посмотрел на распахнутое окно. До сих пор перед ними оставляли пешек.

Исполнителей. Людей, которых толкали вперёд по одной линии. Теперь появилась другая фигура. Конь мог перепрыгнуть через препятствие и оказаться там, где его не ожидали.

Партия менялась. И впервые Соболев подумал, что следующего человека могут не пытаться убить. Ему могут предложить выбор.

А потом посмотреть, кого он убьёт сам.

Глава V. Вторая пешка

«Повторённое преступление никогда не бывает точной копией первого. Разница между ними и есть то место, где следует искать преступника».

Из записок судебного следователя А. Р., 1896 год

Наталью Кайсарову искали до рассвета.

Следы за окном зимнего сада уходили через заснеженную дорожку к задним воротам и там терялись. За оградой начиналась улица, по которой за вечер прошли десятки экипажей.

Кровь на подоконнике принадлежала Наталье — на ладони у неё действительно был свежий порез. Однако ни в комнате, ни в саду других пятен не нашли.

Слишком мало для борьбы.

Слишком аккуратно для похищения.

Женщина-полицейский, оставленная возле двери, пришла в сознание около трёх часов ночи. Доктор Бернштейн обнаружил у неё признаки лёгкого наркотического отравления.

Она помнила только стакан воды.

— Кто дал? — спросил Соболев.

Женщина лежала на диване в малой гостиной, завернувшись в одеяло.

— Наталья Сергеевна. Сказала, у меня бледное лицо.

— Вы видели, как она наливала?

— Из графина на столе.

— Пили вместе?

— Нет.

— Что произошло потом?

— Закружилась голова. Кажется, кто-то постучал в окно.

— Мужчина?

Она закрыла глаза.

— Не знаю. Силуэт.

— Наталья испугалась?

— Нет.

Это было важнее всего.

— Что сделала?

— Подошла к окну.

— Открыла сама?

— Кажется.

— Значит, ждала человека.

Женщина попыталась вспомнить дальше, но память обрывалась.

Соболев вышел в коридор.

Лебедев ждал возле окна.

— Ушла добровольно?

— Скорее всего.

— Тогда зачем кровь и разорванная штора?

— Чтобы мы искали похитителя.

— А белый конь?

— Чтобы искали сына.

Лебедев устало потёр лицо.

— То есть и записку могла оставить сама Наталья.

— Могла.

— Зачем?

— Если нашла сына — чтобы отвести нас в сторону. Если не нашла — чтобы заставить искать вместо неё.

— А если её всё-таки похитили?

— Тогда человек за окном заранее знал, что она откроет. Обе версии приводили к одному. Наталья знала того, кто пришёл.

Соболев посмотрел на часы. Почти четыре.

Он не спал вторые сутки, но усталость теперь ощущалась странно — не тяжестью, а сухой ясностью, когда мозг отбрасывает всё лишнее и оставляет несколько деталей, которые никак не удаётся соединить.

Белая пешка возле Вельского. Чёрная — у Ларина. Белый конь после исчезновения Натальи.

Шахматы переставали быть подписью. Скорее обозначали роли.

Пешка — человек, которого используют.

Конь — человек, которому дают свободу движения. Или заставляют поверить, что дают.

— Может это Крестовский? — спросил Соболев.

— Люди уже в клубе, проверяют.

— А Фон Рейн?

— В малой гостиной под наблюдением.

— Не исчез?

— Пока нет.

— Это уже достижение.

Лебедев усмехнулся.

— Начинаю понимать Алексея Степановича.

Они не успели закончить разговор. Внизу прибыл посыльный из городской сыскной полиции.

Сообщение касалось человека, имя которого фон Рейн назвал несколько часов назад -

Павла Сергеевича Мещерского.

Его состояние снова ухудшилось.

А при осмотре спальни нашли старую газетную вырезку.

Соболев прочёл её уже в экипаже.

Газета за июнь 1897 года.

«Загадочная смерть ростовщика на Лиговском проспекте».

Григорий Павлович Златин был обнаружен мёртвым в запертой комнате меблированных номеров. Дверь заперта изнутри. Окно закрыто. Следов борьбы нет.

Причиной смерти признали отравление сердечным лекарством.

Рядом карандашом было написано:

«Вторая пешка».

Лебедев перечитал дважды.

— Чей почерк?

— Проверим.

— Что за Златин?

— Не знаю.

Внизу статьи мелким шрифтом значилось:

«В расследовании принимал участие бывший судебный

следователь А. К. фон Рейн».

Лебедев откинулся на сиденье.

— А вот это уже становится смешным.

— Мне пока нет.

— Куда ни повернём — он уже был там.

— Именно поэтому надо выяснить, что он делал.

— В 1897 году он уже не служил.

— Значит, участвовал частным образом.

— И снова отравленное лекарство.

Соболев сложил газету.

— Не делайте вывод раньше времени.

— Иногда вывод сам напрашивается.

— Тем хуже. Незванные гости часто остаются дольше остальных.

Мещерского застали живым. Доктор уже справился с приступом. Больной лежал бледный, но сознание прояснилось. Газетную вырезку положили перед ним.

При виде фамилии Златина он отвернулся.

Соболев заметил.

— Вы знали Григория Златина?

— Нет.

— Тогда почему не хотите смотреть?

Мещерский сжал край простыни.

— Потому что знаю племянника.

— Виктора?

Пауза подтвердила раньше ответа.

— Да.

— Где познакомились?

— У Вельского.

— Он работал на предприятиях?

— Да, управляющим химического завода.

— Того, где погиб Андрей Львов?

— Да.

Соболев сел.

— Почему эта вырезка оказалась в вашей спальне?

— Не знаю.

— Вы видели её раньше?

— Нет.

Лебедев подошёл к окну.

— Кто-то принёс вместе с пешкой?

— Возможно.

Соболев взглянул на него, но ничего не сказал.

Мещерский услышал слово и вздрогнул.

— Где она?

— Что?

— Пешка.

— Изъята.

Больной закрыл глаза.

— Тогда он действительно начал.

— Кто?

Мещерский не ответил.

Соболев не стал задавать тот же вопрос второй раз.

— Виктор Златин приходил к вам последнее время?

— Несколько раз.

— Зачем?

— Спрашивал про старые документы.

— Какие?

— О смерти его дяди.

— Зачем они управляющему завода?

Мещерский долго молчал.

— Потому что его дядю не убивали.

— Газета говорит об отравлении.

— Да.

— Виктора подозревали?

Мещерский посмотрел на него.

— Вы уже говорили с фон Рейном?

— Пока спрашиваю вас.

— Виктор был главным подозреваемым. Дядя собирался лишить его наследства.

— Он подменил лекарство?

— Так решили.

— Кто конкретно решил, вы?

— Я не участвовал в следствии.

— Но знаете достаточно.

Мещерский отвёл взгляд.

— Через несколько лет Виктор признался мне, что хотел смерти дяди. Только лекарство не трогал.

— Кто трогал?

— Слуга.

— Имя?

— Руднев. Степан Руднев.

— Его допросили?

— Он исчез.

Лебедев повернулся.

— Снова исчезнувший свидетель.

— Тогда таких совпадений никто не видел.

— А теперь?

Мещерский с трудом усмехнулся.

— Теперь всё выглядит иначе.

Соболев наклонился к нему.

— Чем занимался Виктор Златин на заводе Вельского?

— Химическими поставками.

— Ядами?

— В том числе.

— И он знал Андрея Львова?

— Работали вместе.

— Были близки?

— Не думаю. Андрей ему не доверял.

— Почему?

Мещерский замялся.

— Считал, что через завод проходят препараты, которых в отчётах быть не должно.

— Какие например?

— Сердечные средства. Морфин. Цианистые соединения.

Лебедев тихо произнёс:

— Всё, что уже появлялось у нас.

Соболев не отвёл взгляда от больного.

— Андрей расследовал не только финансовые подлоги?

— Похоже.

— Он говорил об этом вам?

— Однажды.

— Когда?

— За несколько недель до взрыва.

— Что хотел?

— Старые дела о необычных смертях.

— Златина?

— И других тоже.

Соболев почувствовал первое соединение.

Андрей искал старые смерти, похожие на естественные.

Фон Рейн участвовал в одном из таких дел.

Теперь те же способы повторялись.

— Что вы дали Андрею?

— Ничего.

— Почему?

— Боялся.

— Кого?

Мещерский посмотрел на него почти с раздражением.

— Вы всё время хотите имя. А я двадцать лет не уверен, что имя вообще одно.

Ответ был необычным.

И Соболев запомнил его.

— Где Виктор Златин сейчас?

— Не знаю.

— Давно видели?

— Неделю назад.

— О чём он говорил?

— Спросил, сохранился ли список.

— Какой список?

Мещерский закрыл глаза.

— Достаточно.

— Нет.

— Мне плохо.

— Доктор рядом.

Больной открыл глаза. В них появился страх.

— Список людей, которым Вельский платил за молчание.

Лебедев подошёл ближе.

— Назовите имена.

— Не помню всех.

— Начните с тех, что помните.

Мещерский смотрел на потолок.

— Корсаков. Крестовский. Златин.

Небольшая пауза.

— Я.

— За что платили вам?

— За то, чтобы старые бумаги оставались старыми.

— Кайсаров?

— Не только.

— Где список?

— У меня его нет.

— Кто хранит?

— Был у Андрея.

Соболев замер.

— У Львова?

— Да.

— До взрыва?

— Он показал мне копию.

— Что хотел сделать?

— Передать в канцелярию.

— В какую?

— Не сказал.

— Потом произошёл взрыв?

Мещерский кивнул.

— И список исчез.

— Виктор его ищет.

— Да.

— Почему?

— Потому что его имя там тоже было.

— За что Вельский платил ему?

Мещерский ничего не ответил.

Врач вмешался:

— Достаточно.

Соболев встал.

У двери больной тихо произнёс:

— Дмитрий Петрович.

Соболев обернулся.

— Виктор не убивал дядю.

— Вы уверены?

— Теперь — да.

— Кто тогда?

— Человек, который заставил его захотеть смерти.

Соболев задержался.

— Объясните.

— Спросите фон Рейна.

Это было последнее, что Мещерский сказал.

На обратном пути Лебедев не выдержал:

— Значит, Златин хотел смерти дяди. Слуга подменил лекарство. А кто-то подтолкнул обоих. Это уже похоже на наш случай.

— Да.

— Корсакову могут дать человека, которого он захочет убить. Ларину дали женщину, которой он хотел услужить за деньги. Мещерского заставили самому принять лекарство.

— И всё же пока между ними есть различия.

— Какие?

— В одном случае человек совершает преступление. В другом только способствует. В третьем становится собственной жертвой.

— И какой общий принцип?

— Пока только выбор.

Лебедев помолчал.

— Фон Рейн любит это слово.

— Именно поэтому оно подозрительно.

В доме Вельского их ждал сюрприз.

Фон Рейн сидел в малой гостиной и играл в шахматы сам с собой.

Белые фигуры стояли на одной стороне доски, чёрные — на другой. Он сделал ход и только потом поднял глаза.

— Нашли статью о Златине?

Лебедев замер.

— Откуда знаете?

— Мещерский хранил её много лет.

— Он утверждает обратное.

Фон Рейн чуть пожал плечами.

— Значит, решил солгать.

Соболев сел напротив.

— Что произошло в 1897 году?

Фон Рейн убрал руку от фигуры.

— Виктор Златин ненавидел дядю. Григорий разорил его отца, затем держал племянника при себе почти как слугу. Виктор однажды сказал, что смерть старика решила бы все проблемы.

— И кто-то услышал.

— Да.

— Вы?

— В том числе.

— Что произошло дальше?

— Златину начали присылать документы. Сначала доказательства махинаций дяди. Потом письма его покойного отца. Потом медицинское заключение, из которого следовало, что сердечные лекарства старика опасны при неправильной дозировке.

— Кто присылал?

— Не установили.

— Степан Руднев?

— Слуга получал часть писем.

— Он подменил лекарство?

— Думаю, да.

— По приказу Виктора?

— Именно это следствие пыталось доказать.

— Но не доказало.

— Нет.

Соболев посмотрел на шахматную доску.

— А вы считали, что Виктор невиновен.

— Не совсем.

— Тогда что?

Фон Рейн выбрал пешку и поставил её на соседнее поле.

— Он хотел смерти дяди. Обсуждал её. Искал способы избавиться от него. Но когда возможность появилась, испугался и ничего не сделал.

— А слуга сделал.

— Да.

— Сам?

— Вот этого я не установил.

— Руднев исчез?

— Через два дня.

— Как Михаил Львов...

— Именно поэтому дело заинтересовало меня.

Лебедев сказал:

— Значит, уже тогда вы увидели связь с Кайсаровым.

— Не сразу. Слишком разные люди, места и обстоятельства.

— Что изменилось?

Фон Рейн посмотрел на Соболева.

— На месте смерти Златина лежала шахматная пешка.

Наступила тишина.

— Какого цвета? — спросил Соболев.

— Чёрная.

Лебедев медленно выдохнул.

— В газетной статье этого не было.

— Нет.

— Где фигура?

— Исчезла из вещественных доказательств через неделю.

Соболев посмотрел на белую пешку на доске.

— Кайсаров — белая.

— Да.

— Златин — чёрная.

— Да.

— Вельский — белая.

— Ларин — чёрная.

Фон Рейн впервые выглядел не как человек, объясняющий прошлое, а как человек, который сам увидел повторение.

— Чередование, — сказал Лебедев.

— Возможно, — ответил Соболев, но пока четыре фигуры слишком мало для закона.

Фон Рейн убрал шахматную доску в сторону.

— Но достаточно для вопроса.

— Что означают цвета?

— Я так и не понял.

— А «вторая пешка» на вырезке?

— Этой надписи раньше не было.

Соболев посмотрел на него.

— Уверены?

— Я вырезал статью сам.

— Мещерский её хранил?

— Да.

— Значит, кто-то дописал недавно.

— Похоже.

Соболев встал.

— Где Виктор Златин?

Фон Рейн помолчал.

— Три месяца назад уволился с завода Вельского.

— Причина?

— Официально — здоровье.

— А неофициально?

— Андрей Львов обвинил его в сокрытии трёх смертей рабочих.

— Каких?

— Ну, не рабочих. Служащих.

— Как умерли?

Фон Рейн перечислил:

бухгалтер — сердечный приступ;

инженер — передозировка снотворного;

врач завода — отравление лекарством, которое принимал много лет.

Лебедев тихо выругался.

— Все знали что-нибудь о поставках?

— Андрей считал, что да.

— Златин был причастен?

— Подписывал документы.

— Сам убивал?

— Не знаю.

Соболев направился к двери.

— Теперь мы найдём его.

Фон Рейн сказал вслед:

— Ищите быстрее.

Соболев остановился.

— Почему?

— Если шахматные фигуры действительно повторяют старый порядок, Виктор должен либо умереть, либо кого-нибудь убить.

— Почему?

— Потому что в 1897 году он был пешкой, которая отказалась сделать ход.

Соболев повернулся.

— А теперь?

— Кто-то может дать ему второй шанс.

Соболев снова взял белую пешку.

Самая дешёвая фигура на доске. Один шаг вперёд, никаких отступлений, почти никакой свободы. Обычно на неё обращали внимание только тогда, когда она мешала более важной фигуре или неожиданно доходила до последней линии.

— Почему белая? — спросил Лебедев.

— Вот это мне и не нравится. Если бы речь шла просто о шахматах, цвет не имел бы значения.

Соболев поставил пешку на стол.

— Значит, кто-то хочет, чтобы мы смотрели не на фигуру. На того, кого ею обозначили...

Виктора Златина искали по всему Петербургу.

В квартире на Мойке его не оказалось.

Слуга сообщил, что хозяин уехал утром предыдущего дня с небольшим чемоданом. Адреса не оставил.

Из банка пришло сообщение: Златин снял десять тысяч рублей наличными.

На Финляндском и Варшавском вокзалах его не видели.

Зато нашёлся извозчик, который отвозил его к Балтийскому вокзалу, а оттуда — к товарным складам.

К вечеру Соболев и Лебедев были там.

Склад номер семь стоял в стороне от основных платформ. Дверь открыта. Внутри пахло мокрым деревом, угольной пылью и химическими веществами.

Виктор Златин сидел на деревянном ящике. Рядом стояли два городских. На рукаве его пальто была кровь. В нескольких шагах лежал мужчина.

Лицо разбито тяжёлым ударом. На полу — железный молоток.

Златину было около сорока. Худое лицо, редкие волосы, беспокойные руки. При появлении Соболева он встал.

— Наконец-то...

— Вы нас ждали?

— Я ждал полицию с того момента, как увидел тело.

— Почему не послали сами?

— Дверь уже была открыта, а возле склада стоял ваш человек.

Городовой удивлённо посмотрел.

— Я прибыл по анонимной записке.

Соболев повернулся.

— Какой?

Тот передал бумагу.

«Склад №7. Виктор Златин закончил то, чего не смог сде-

лать пятнадцать лет назад».

Без подписи.

— Вы убили этого человека? — спросил Соболев.

Златин посмотрел на мёртвого.

— Нет.

— У вас на рукаве кровь.

— Проверял, жив ли.

— Зачем приехали?

Он достал письмо.

«Принесите десять тысяч рублей на склад номер семь.

Если хотите узнать, что произошло с Андреем Львовым, приходите один».

Подпись:

«А. Львов».

Мария не присутствовала, но Соболев уже достаточно видел её мужниного почерка, чтобы понять: сходство хорошее.

— Верите, что письмо написал Львов?

— Верил, когда ехал.

— Теперь?

Златин посмотрел на труп.

— Теперь не знаю.

— Кто погиб?

— Сначала не узнал.

— А сейчас?

Он медленно ответил:

— Степан Руднев.

Лебедев поднял голову.

— Слуга вашего дяди?

— Да.

— Тот, который исчез после смерти Григория Златина?

— Да.

Мертвец вернулся через пятнадцать лет. Только для того, чтобы умереть снова — теперь уже рядом с человеком, которого когда-то подозревали в его преступлении.

Соболев присел возле тела.

На шее Руднева проходила тонкая красная полоса. Удар молотком разбил лицо, но крови вокруг головы было меньше, чем ожидалось.

— Его убили не молотком, — сказал Соболев.

Лебедев наклонился.

— Задушили?

— Возможно. Ударили после. Та же логика. Настоящая смерть скрыта очевидной. Как у Вельского.

В кармане Руднева нашли металлический медальон. Внутри лежал сложенный лист бумаги.

На нём было написано:

«Я подменил лекарство Григория Златина по приказу Виктора Павловича».

Златин побелел.

— Я никогда ему не приказывал.

— Почерк Руднева знаете?

— Нет.

— Зачем он исчез тогда?

— Я думал, потому что боялся полиции.

— Возможно, боялся не полиции.

Соболев передал лист Лебедеву.

Возле правой руки мёртвого лежала чёрная шахматная пешка.

На основании была выгравирована цифра «97».

— 1897, — сказал Лебедев.

Златин смотрел на фигуру с ужасом.

— Такая уже была.

Соболев резко повернулся.

— Где?

— Возле тела дяди.

— Вы её видели?

— Да.

— Фон Рейн утверждает то же.

— Он забрал пешку.

Соболев молчал.

— После осмотра комнаты фон Рейн положил её в карман,

— продолжил Златин. — Я видел.

— Почему?

— Не знаю.

— Вы сообщили?

— Кому? Он вёл расследование.

Это было новостью. И неприятной.

Соболев запомнил, не показывая реакции.

— Деньги где?

Златин указал на небольшой чемодан.

Замок был открыт. Пачки купюр лежали внутри нетронутыми. Сверху — белая шахматная пешка.

На её основании виднелась цифра «12».

— 1912, — произнёс Лебедев.

Две фигуры. Чёрная — возле мёртвого свидетеля прошлого. Белая — возле живого подозреваемого настоящего.

— Какого цвета была фигура у вашего дяди? — спросил Соболев.

— Чёрная.

— Значит, эта изображает Рудневу?

Златин покачал головой.

— Не знаю.

— А белая — вас?

— Возможно.

Соболев поднял взгляд.

— Кто ещё знал о встрече?

— Никто.

— Андрей Львов?

— Если он писал письмо.

— Вы считаете его живым?

Златин долго молчал.

— Я знаю, что он пережил взрыв.

Лебедев шагнул ближе.

— Откуда?

— Видел его.

— Когда?

— Через неделю после аварии.

— Где?

— У меня дома.

Соболев почувствовал, как вся глава изменилась одной фразой.

— Он был ранен?

— Да. Левая сторона лица обожжена. Рука перевязана.

— Почему не сообщил жене?

— Сказал, что за ней следят.

— Кто?

— Не знал.

— Что хотел от вас?

— Документы. По старым смертям на заводах. Он считал, что кто-то повторяет способы убийств из дел фон Рейна.

— Употребил именно это имя?

— Да.

— Обвинял его?

— Нет.

— Тогда зачем?

Златин посмотрел на мертвеца.

— Андрей говорил, что фон Рейн первым увидел систему, но не понял, что сам стал её частью.

Лебедев тихо спросил:

— Что это значит?

— Он не объяснил.

— Когда видели Андрея последний раз?

— Тогда и видел.

— Письма были?

— Одно через месяц. Просил молчать.

— Сохранили?

— Нет.

— Разумеется...

Златин горько усмехнулся.

— Сжѐг.

Соболев уже привык. В этом деле прошлое горело удивительно хорошо.

— Что связывало Андрея со смертью вашего дяди?

— Он искал Руднева.

— Нашѐл?

— Не знаю.

— А сказал, зачем искал?

— Хотел доказать, что Виктор Златин не отдавал приказа.

Соболев заметил смену лица Златина. Не страх. Стыд.

— Вы действительно хотели смерти дяди.

— Да.

— Говорили об этом?

— Да.

— Искали яд?

Златин опустил глаза.

— Изучал его лекарства.

— Планировали подменить?

Долгая пауза.

— Один раз.

Лебедев перестал писать.

— Но не сделали?

— Испугался.

— А Руднев сделал за вас.

— Да.

— Кто его убедил?

— Не знаю.

— Кто знал о вашем намерении?

Златин поднял голову.

— Фон Рейн.

Тишина.

— Вы рассказывали ему?

— Он меня допрашивал. Я признался, что думал о смерти дяди.

— До убийства или после?

— После.

— Тогда он не мог передать Рудневу заранее.

— Мог знать раньше.

— Откуда?

Златин посмотрел на Соболева.

— Потому что за неделю до смерти дяди фон Рейн приходил ко мне.

— Зачем? Что я вытягиваю из вас ответы как клещами?

— Спросил, что я буду делать, если узнаю, что дядя подделал завещание.

— Просто спросил?

— Показал документ.

— Настоящий?

— Тогда думал, что да.

— И что почувствовали?

— Захотел убить его.

Соболев медленно выпрямился.

— Фон Рейн показал вам причину.

— Да.

— Но не предлагал убийство?

— Нет.

— О лекарстве говорил?

— Нет.

— О Руднев?

— Нет.

— Тогда почему вы его обвиняете?

Златин сжал кулаки.

— Потому что после его визита всё началось.

Вот она. Не команда. Не приказ. Правда, показанная человеку в нужный момент.

Дальше человек сам создавал желание.

Соболев посмотрел на шахматные фигуры.

— Кто-то сейчас хочет повторить тот же опыт.

— Со мной?

— Возможно.

— Руднев мёртв. Я здесь. Деньги нетронуты. Что я должен был сделать?

Соболев не ответил. Пока. Эксперт позвал из дальнего угла. На деревянной стене склада обнаружилась свежая надпись мелом:

«Вторая пешка отказалась снова».

Лебедев прочитал.

— Речь о Златине.

— Или о Рудневе.

— Кто первая пешка?

— Кайсаров?

— Он жертва.

— Ларин?

— Слишком поздно.

Соболев смотрел на слова.

«Отказалась снова».

Это относилось к человеку, который уже однажды не совершил убийство. Значит, к Виктору.

В 1897 году он хотел убить дядю, но не решился. Кто-то сделал это вместо него. Теперь ему снова дали возможность. Труп Руднева. Молоток. Деньги. Признание.

Все обстоятельства были готовы для убийства или для мести.

Но Златин приехал слишком поздно.

Или отказался ещё раньше...

— Кто назначил встречу первым? — спросил Соболев.

— Письмо пришло утром.

— В какое время?

— Около девяти.

— Где вы были до этого?

— Дома.

— Свидетели были?

— Слуга.

— В Петербурге находились весь день?

— Да.

— Почему сняли деньги заранее?

Златин замер.

— Письмо пришло вчера вечером.

— Только что сказали утром.

Ошибка была маленькой. Но настоящей. Лебедев поднял голову. Златин понял.

— Я...

Соболев не помог.

— Когда пришло письмо?

— Вчера.

— Почему солгали?

— Потому что утром я встречался с человеком.

— Каким?

— Не знаю имени.

— Тогда почему скрыли?

— Он сказал, если сообщу полиции, Мария Львова умрёт.

Соболев почувствовал холод.

— Вы видели Марию раньше?

— Несколько раз с Андреем.

— Кто был человек?

— Высокий. Борода. Шрам у виска.

Лебедев посмотрел на Соболева.

— Часы?

— Да, — ответил Златин. — Тёмная цепочка. Круглый брелок.

Тот же человек. Двойник Вельского. Посетитель Мещерского. Человек, передавший бокал Ларину. Теперь — Златин.

Впервые след переставал быть набором подброшенных вещей.

Один человек действительно существовал.

— Что сказал?

— Что Андрей жив. Что сегодня я смогу увидеть доказательство.

— Руднева?

— Не знаю.

— Он дал адрес склада?

— Нет. Только велел исполнить письмо.

— Почему Мария должна умереть?

— Если я обращусь в полицию.

— И вы поверили?

Златин посмотрел на мертвеца.

— После Вельского — да.

Соболев почувствовал знакомое раздражение. Опять. Человеку не приказывали убивать.

Ему показывали угрозу. Давали выбор. И ждали.

На этот раз Златин выбрал молчание.

Результатом стал мёртвый Руднев.

— Вы останетесь под стражей, — сказал Соболев.

— Я не убийца.

— Я пока не знаю, кто вы. Но вы скрыли важную встречу и солгали о времени.

— Вы считаете, я убил Руднева?

— Считаю, что человек, устроивший эту сцену, очень хотел, чтобы я так подумал.

Это было почти утешение. Но не совсем.

У выхода со склада их встретил ещё один посыльный.

Записка из дома Вельского. Крестовский вернулся. Сам.

Он ждал Соболева в библиотеке и отказывался говорить с кем-либо ещё.

В экипаже Лебедев спросил:

— А Златин?

— Под охраной.

— Фон Рейн действительно забрал пешку в 1897 году?

— Проверим.

— Если да?

— Спросим зачем.

— А если он солжёт?

— Тогда впервые будет полезно, что я уже знаю ответ.

Дом Вельского встретил их необычной тишиной. Крестовский сидел в библиотеке. Перед ним на столе лежал металлический футляр. Тот самый, который слуга видел у него перед исчезновением. Адвокат выглядел постаревшим на десять лет.

— Я хочу заключить соглашение, — сказал он.

Лебедев усмехнулся.

— Вы не в суде.

— Именно поэтому хочу, чтобы условия были ясны.

Соболев сел напротив.

— Говорите.

Крестовский положил ладонь на футляр.

— Я отдам документы, если вы обеспечите мне защиту и не допустите ко мне фон Рейна.

— Почему?

— Потому что он знает, что здесь.

— А что здесь?

Крестовский посмотрел на закрытый металл.

— Список людей, которых мы должны были считать мёртвыми.

Соболев не пошевелился.

— Кто «мы»?

— Вельский. Мещерский. Корсаков. Я.

— Златин?

— Позже.

— Фон Рейн?

Крестовский побледнел.

— Он составил первый список.

Лебедев медленно повернул голову.

— В 1891 году?

— Да.

— Зачем?

— Чтобы спрятать свидетелей.

— От кого?

Крестовский посмотрел на Соболева.

— От человека, которого мы тогда называли Учителем.

Название прозвучало впервые. И почему-то Соболев сразу понял: именно ради этого слова кто-то провёл их через Вельского, Ларина, Наталью и Златина.

— Кто он?

Крестовский сжал футляр.

— Не знаю.

— Видели?

— Один раз.

— Фон Рейн знает?

— Он утверждал, что нет.

— А вы верили?

Крестовский коротко рассмеялся.

— Фон Рейну невозможно верить. Его можно только про-
верять.

Соболев подумал, что эту фразу мог бы сказать и сам.

— Что в списке?

— Настоящие имена, новые документы, места, куда людей отправляли после дел.

— Михаил Львов?

— Да.

— Сын Натальи?

— Да.

— Андрей?

— Нет.

— Где Алексей?

Крестовский опустил взгляд.

— Не знаю. Документы заканчиваются 1897 годом.

— Почему?

— Потому что тогда всё изменилось.

— После смерти Златина?

— Да.

— Что произошло?

Крестовский посмотрел на дверь.

— Фон Рейн понял, что кто-то использует его способ защиты свидетелей для обратного.

— Объясните.

— Он менял имена, документы, места жительства, чтобы людей не нашли. А кто-то начал использовать те же списки, чтобы находить их.

Соболев почувствовал, как ещё одна часть механизма встала на место.

Исчезнувшие свидетели. Люди, объявленные мёртвыми.
Чужие имена. Поддельные лица.

То, что создавалось как защита, стало инструментом охоты.

— Поэтому Руднев исчез в 1897-м?

— Да.

— Фон Рейн его спрятал?

— Должен был.

— Но Руднев оказался здесь мёртвым.

Крестовский опять закрыл глаза.

— Значит, список всё-таки нашли.

— Кто?

— Учитель.

— Вы двадцать один год повторяете одно имя и не знаете человека?

— Это не имя.

— Тогда что?

— Роль.

В комнате стало тихо. Соболев вспомнил чужое лицо Вельского. Женщину в чёрных перчатках. Светловолосого лакея. Теперь — Учителя.

Не люди. Роли.

— Откройте футляр.

Крестовский не успел. Снаружи раздался выстрел. Лебедев выхватил револьвер. Соболев уже был у двери. В коридоре никого. Второй выстрел прозвучал со стороны зимнего

сада.

Они бросились туда. Окно было открыто. На снегу возле фонтана лежал мужчина. Полицейский агент. Живой. Пуля прошла через плечо.

— Кто стрелял?

Он указал на сад.

— Молодой...

— Описание!

— Светлые волосы. Шрам.

Снова...

Соболев выбежал наружу. У задних ворот мелькнула фигура. Молодой мужчина бежал не к улице, а вдоль стены.

Соболев бросился следом. Расстояние сокращалось. Незнакомец оглянулся. Лицо на секунду оказалось в свете фонаря. Шрам на левой щеке. Светлые волосы.

Но это был не Ларин. И не человек, которого описывали свидетели гостиницы. Он был моложе.

Соболев почти настиг его возле старой оранжереи.

Незнакомец неожиданно остановился. Повернулся. В руке был револьвер. Они стояли в десяти шагах друг от друга.

— Оружие на землю, — сказал Соболев.

Молодой человек не поднял револьвер.

— Вы ищете не того.

— Положите.

— Фон Рейн вам лжёт.

— Это я уже понял.

На лице беглеца появилась странная улыбка.

— Нет. Вы поняли только первый слой.

Позади послышались шаги Лебедева.

Молодой человек быстро отступил к ограде.

— Кто вы?

— Спросите Наталью.

— Алексей?

На мгновение он замер. Этого оказалось достаточно, чтобы ответ не требовался.

— Где она?

— Там, где должна была быть двадцать один год назад.

— Где?

— С человеком, который вернул ей имя.

Лебедев появился между деревьями.

Молодой человек поднял револьвер — не на Соболева, а вверх. Выстрел.

Лошадь, привязанная за оградой, рванулась. В тот же момент незнакомец перелез через низкую часть стены и исчез между экипажами.

Лебедев хотел стрелять. Соболев остановил.

— На улице люди.

Они выбежали за ворота. Поздно. Только лошадь носилась по мостовой, пугая прохожих.

Под стеной лежала небольшая деревянная коробка. В ней — чёрная пешка.

На основании цифра «2».

Лебедев тяжело дышал.

— Вторая пешка.

Соболев смотрел туда, где исчез молодой человек.

— Нет.

— Что?

— Он не пешка.

— Почему?

— Пешка не знает, что находится на доске.

— А этот знает?

— Слишком хорошо.

Они вернулись в библиотеку. Крестовский исчез. Металлический футляр лежал открытым.

Внутри было пусто.

На столе остался только один лист. Красными чернилами:

«Вторая пешка сделала ход. Теперь начинается партия».

Рядом была нарисована фигура белого коня.

Соболев перечитал.

Вторая пешка. Не Златин. Не Руднев. Не Ларин. Кто-то считал ходы иначе.

И впервые Соболев почувствовал настоящую тревогу.

До сих пор они искали человека, совершавшего убийства.

Теперь становилось всё вероятнее, что убийства были лишь способом заставить следствие открыть старую систему. Кто-то не прятал прошлое. Наоборот. Он вытаскивал его на свет — человека за человеком, документ за документом, преступление за преступлением. И каждый раз цена стано-

вилаась выше.

На пустом месте, где ещё несколько минут назад лежал список мёртвых свидетелей, стояла белая фигура. Конь.

Тот самый ход, который начинал новую часть партии...

Глава VI. Письмо покойного

«Письмо мёртвого опасно не тем, что говорит из прошлого, а тем, что всегда находит живого, готового ему поверить».

Из записок судебного следователя А. Р., 1897 год

Письмо ожидало Марию Львову дома.

Серый конверт лежал на серебряном подносе в передней поверх двух визитных карточек и счёта от модистки. Без почтового штемпеля. Без печати.

На лицевой стороне было написано одно слово:

«Марии».

Мария остановилась на пороге.

Соболев шёл следом и едва не столкнулся с ней.

— Что?

Она не ответила. Смотрела на почерк.

Прасковья стояла у стены и нервно теребила край передника.

— Кто принёс? — спросил Соболев.

— Не знаю, ваше высокородие. Я уходила на кухню. Вернулась — уже лежало.

— Дверь запирали?

— Конечно.

— У кого есть ключ?

— У меня и у Марии Андреевны. Запасной у домовладельца.

Мария уже протянула руку к письму.

— Не открывайте, — сказал Соболев.

Она посмотрела на него.

— Это Андрей.

— Это его почерк.

— Я знаю почерк мужа.

— Знаете. И человек, оставивший письмо, рассчитывает именно на это.

Мария сжала губы. Несколько секунд они смотрели друг на друга. Потом она убрала руку.

— Хорошо. Осматривайте.

Эксперт приехал через двадцать минут. Пока проверяли конверт, Соболев прошёл в кабинет Андрея. Комнату почти не трогали после его смерти.

Чертёжный стол. Линейки, циркули, свёрнутые схемы. Технические книги. Несколько фотографий на стене. Одна рамка пустовала.

Соболев остановился.

— Что здесь было?

Мария медленно подошла.

— Наша свадебная фотография.

— Когда вы видели её в последний раз?

— Сегодня утром.

На столе сохранился чистый прямоугольник среди пыли.
Рамку сняли недавно.

— Что-нибудь ещё пропало?

Мария сразу направилась к книжному шкафу.

Сняла зелёный том Гёте и открыла примерно посередине.
Страницы были пусты.

— Документ.

— Какой?

— Часть бухгалтерского отчёта завода.

— Того, где погиб Андрей?

— Да.

— Почему хранили в книге?

— Не понимала, насколько он важен. Два инженера смотрели и ничего подозрительного не нашли.

Соболев провёл пальцем по корешку.

— Кто-то нашёл.

Мария посмотрела на пустую рамку.

— Значит, человек пришёл оставить письмо и одновременно украл фотографию и отчёт.

— Или наоборот. Письмо оставил, чтобы вы не сразу заметили остальное.

Эксперт позвал из передней.

Следов яда не было. Бумаге не меньше года. Чернила тоже не выглядели свежими. Почерк предварительно совпадал с

образцами Андрея.

Мария взяла нож для писем. На этот раз Соболев не оставил.

Внутри находились четыре листа.

Первое слово:

«Маша».

Она замерла.

Потом начала читать.

«Если ты получила это письмо, значит, Вельский либо наконец испугался, либо уже мёртв.

Прости меня.

Я пережил взрыв».

Мария перестала читать.

Никто не торопил её.

Лебедев отвернулся к окну.

Через несколько секунд она продолжила:

«Тело, которое опознали как моё, принадлежало другому человеку. Я понял, что произошла подмена, когда вернуться открыто уже было невозможно. За нашим домом следили. Мне дали понять: пока я остаюсь мёртвым, тебя не тронут.

Я поверил. Теперь думаю, что, возможно, только оставил тебя одну».

Мария опустила лист.

— Когда написано?

Соболев говорил тихо.

— Даты нет.

Она перевернула страницу.

«Я начал с отчётов Вельского. Думал найти хищения. Нашёл смерти.

Бухгалтер. Инженер. Врач. Все знали лишь часть.

Каждый умер так, что причина казалась естественной. Сердце. Лекарство. Снотворное.

Способ менялся. Принцип оставался прежним.

Человек сам совершал последнее действие».

Соболев посмотрел на Лебедева.

Вельский сам выпил вино. Мещерский сам принял лекарство. Ларин сам выпил воду.

Теперь эти случаи впервые складывались не только по внешним признакам.

Мария читала дальше:

«В старых делах я нашёл то же. Кайсаров. Григорий Златин. Ещё несколько смертей.

Почти везде раньше или позже появляется имя фон Рейна.

Но это не значит, что он убийца. Рейн понял главное: человека не обязательно заставлять. Достаточно показать ему правду, которую он не способен принять спокойно, а затем оставить выбор.

Иногда он убивает. Иногда предаёт. Иногда подписывает. Иногда молчит.

А потом убеждает себя, что решение было его собственным».

Соболев протянул руку.

Мария отдала лист.

Почерк местами становился неровным. Некоторые слова были зачёркнуты и написаны заново.

Это не походило на послание, предназначенное произвести впечатление.

Скорее на запись человека, который боялся не успеть.

— Андрей говорил вам о подобных вещах? — спросил Соболев.

— Никогда.

— О фон Рейне?

— Тоже.

Она помолчала.

— Теперь выясняется, что я не знала почти половины его жизни.

Соболев вернул лист.

«Есть пять фамилий, которые повторяются чаще других.

Вельский.

Мещерский.

Корсаков.

Крестовский.

Златин.

Они делали разное. Один платил. Другой подписывал. Третий молчал. Но каждый однажды сделал выбор, после которого пострадал другой человек.

Есть ещё один. Имени я не нашёл.

В старых бумагах его называют Советником, Наблюдателем, один раз — Учителем.

Возможно, это не человек, а роль».

Лебедев поднял голову.

— Крестовский употребил то же слово.

— Значит, Андрей знал о нём два года назад, — сказал Соболев.

— Если письмо действительно его.

Мария посмотрела на него.

— Вы будете повторять это после каждой страницы?

— Да, пока письмо не станет доказательством.

Она продолжила:

«Если Вельский мёртв, найди Соболева.

Я не знаком с ним лично, но знаю несколько его дел. Он не любит красивых объяснений. Это может спасти ему жизнь.

Не доверяй фон Рейну полностью. Но не совершай ошибку Вельского: не считай Рейна центром всей системы только потому, что он сам охотно занимает центр комнаты.

Он знает больше, чем говорит. И, возможно, боится больше, чем показывает».

Лебедев негромко произнёс:

— Андрей разбирался в людях.

Соболев не ответил.

Следующий абзац был перечёркнут.

Под линиями всё ещё читалось:

«Наталья Кайсарова жива».

Мария подняла глаза.

— Он знал.

— Да.

Ниже:

«Она ищет сына. Сын жив. Он не знает своего настоящего имени».

Дальше часть листа была вырвана.

Узкая полоса отсутствовала почти до края страницы.

Эксперт осмотрел разрыв.

— Сделано давно.

— До того, как письмо попало в конверт? — спросил Со-
болев.

— Судя по краю — да.

— Имя сына?

Мария смотрела на пустое место.

— Или адрес.

— Или Андрей сам решил не оставлять эту информацию.

Последний лист она читала медленнее.

«Если узнаешь, что я жив, не ищи меня одна. Особенно
если тебе покажут моё лицо.

Я видел человека, который сумел стать другим достаточно
хорошо, чтобы убедить тех, кто хотел поверить. Не верь моей
смерти. Но не верь и моему возвращению».

Последняя строка стояла отдельно:

«Прости, что выбрал твою жизнь без тебя».

Подпись:

«Андрей».

Мария сложила листы.

— Он жив.

Соболев подошёл к окну.

— Был жив, когда писал.

Она резко посмотрела.

— Вы обязательно должны это уточнить?

— Да.

— Даже сейчас?

— Особенно сейчас. Кто-то доставил это письмо именно

тогда, когда вокруг вас уже появляются люди с лицом Андрея и его почерком.

Мария сжала письмо.

— А если это действительно он?

— Тогда он сам предупреждает вас не верить первому человеку, который им назовётся.

Ответ остановил её.

Соболев оглядел кабинет.

Пустая рамка.

Исчезнувший отчёт.

Старые записи.

На столе лежали карманные часы Андрея.

Стальной корпус, треснувшее стекло. Стрелки стояли на четырёх двенадцати.

— Их нашли после взрыва?

— Да.

— Где именно?

— Виктор Златин привёз через неделю после похорон. Сказал, что часы были при Андрее.

Соболев посмотрел на неё.

— Не полиция?

— Нет.

— Почему вы раньше этого не сказали?

Мария нахмурилась.

— Вы не спрашивали, кто именно их принёс.

Соболев невольно вспомнил фон Рейна.

— Не лучший ответ для этого дела.

Он взял часы через платок.

Внутренняя крышка:

«А. Л. от М. 1908».

— Ваш подарок?

— На годовщину.

Соболев открыл механизм. Копоть лежала неравномерно. Около заводной головки металл оставался почти чистым.

Он осторожно повернул головку. Пружина сопротивлялась.

— Часы заведены.

— После двух лет?

— Механизм заклинило, когда пружина была натянута.

Лебедев посмотрел на стрелки.

— Взрыв произошёл около четырёх десяти.

— По официальному отчёту.

— Здесь четыре двенадцать.

— Слишком хорошее совпадение.

Мария поняла.

— Думаете, стрелки установили специально?

— Проверим.

— Значит, эти часы могли вообще не быть при теле.

Соболев закрыл корпус.

— Теперь это одна из основных версий.

Она отдала часы без возражений.

Соболев заметил это.

Ещё вчера она воспринимала каждую вещь Андрея как часть личной памяти.

Сегодня начинала смотреть на них как на доказательства.

Это была плохая цена за хорошее расследование.

Осмотр продолжили. На подоконнике оказался недавно сдвинут горшок с геранью.

Под ним лежал металлический жетон.

Цифра «6».

На другой стороне — песочные часы.

Мария узнала сразу.

— «Шестой час».

— Андрей был членом клуба?

— Да. Говорил, там собираются инженеры, юристы, врачи. Иногда обсуждают судебные дела.

— Вельский там был?

— Бывал.

— Крестовский?

— Да.

— Фон Рейн?

— Не знаю.

Соболев убрал жетон.

— Его могли уронить.

— Или оставить, — сказал Лебедев.

— Именно.

На письменном столе, где стояла свадебная фотография, нашли каплю красного сургуча.

Мария пользовалась только чёрным.

В корзине для бумаг лежал маленький обрывок серого конверта.

На сургуче сохранилась часть печати. Песочные часы.

— Клуб, — сказал Лебедев.

— Печать клуба.

— Какая разница?

— Ею мог воспользоваться человек, который никогда там не был.

Соболев просмотрел ящики письменного стола.

В нижнем лежали черновики Андрея.

Большинство — технические расчёты и схемы.

Но на полях нескольких листов повторялись короткие фразы.

«Шестой не получает денег».

«Не заставляет. Показывает».

«Самое чистое преступление — то, которое человек считает собственным выбором».

Лебедев присвистнул.

— Почти письмо.

— Значит, идеи действительно принадлежали Андрею.

Мария достала ещё один лист.

— Здесь фон Рейн.

Соболев прочитал:

«Рейн знает принцип, но путает наблюдение с управлением.

Он думает, что изучает выбор человека.

Кто-то изучает выбор самого Рейна».

— Андрей считал его не хозяином системы, а частью, — сказала Мария.

— Или подозревал это.

— Вам всегда нужно оставить дверь открытой?

— Пока за ней может стоять убийца.

Около полудня пришёл ответ из клуба.

Крестовский там не появлялся.

Его личный ящик под номером шесть был открыт и пуст.

— Значит, футляр или документы прошли через клуб, — сказал Лебедев.

— Либо человек хочет, чтобы мы так думали.

— Вы начинаете повторяться.

— Потому что преступник тоже.

Соболев поднялся.

— Едем в «Шестой час».

Мария тоже встала.

— Я с вами.

— Нет.

Она устало вздохнула.

— Мы опять возвращаемся к этому.

— Сегодня в вашу квартиру вошёл неизвестный. Украл документ и фотографию. Возможно, говорил голосом вашего мужа. Оставлять вас здесь нельзя.

— Тогда куда?

Соболев ответил после короткой паузы:

— Ко мне.

Мария подняла брови.

Лебедев очень внимательно стал рассматривать сургуч.

— Под охраной, — добавил Соболев.

— Разумеется. Иначе предложение прозвучало бы почти неприлично.

— У меня есть Алексей Степанович.

— Теперь всё окончательно пристойно.

Соболев сделал вид, что не заметил улыбки Лебедева.

— Одно условие, — сказала Мария.

— Какое?

— Если найдёте Андрея, я узнаю первой.

Соболев посмотрел на письмо.

— Если найду настоящего Андрея — да.

Она кивнула.

Перед уходом он вернулся в кабинет. Что-то оставалось неправильным. Человек знал, когда Прасковья уйдёт на кухню. Знал тайник с отчётом. Знал, где стояла свадебная фотография.

Знал привычку класть письма на серебряный поднос.

Значит, бывал здесь раньше.

— Прасковья.

Горничная появилась в дверях.

— Кто из знакомых Андрея бывал здесь после его смерти?

Она начала вспоминать.

— Аркадий Павлович Крестовский. Господин Мещерский один раз. Александр Сергеевич Веденин приносил какие-то бумаги.

— Златин?

— Да. Виктор Павлович приезжал через неделю после похорон.

Мария подняла голову.

— Он привёз вещи Андрея.

— Все?

— То, что нашли после взрыва.

Соболев посмотрел на пакет с часами.

— Значит, Златин знал квартиру. Знал Прасковью. Знал, где лежат бумаги.

— Вы думаете, письмо оставил он?

— Пока думаю, что у него была возможность.

— Он находился под охраной.

— Сегодня. Не тогда, когда письмо могли положить в квартире.

Мария нахмурилась.

— Но Прасковья говорит, его никто не видел.

— Возможно, вошёл другой человек, знающий то, что знал Златин.

Соболев уже направился к двери, когда в квартире постучали. Дважды. Пауза.

Ещё один раз.

Прасковья резко побледнела.

— Что? — спросил Лебедев.

Она смотрела на дверь.

— Так Андрей всегда стучал.

Мария застыла. Соболев поднял руку. Никто не двигался. Он подошёл к двери сбоку.

— Кто?

Тишина.

— Назовите себя.

Из-за двери донёсся мужской голос:

— Не открывай, Маша.

Мария сделала шаг. Соболев удержал её за руку. Она почти не заметила.

— Андрей...

Голос снова:

— Маша, не открывай.

В её лице исчез цвет.

Соболев резко распахнул дверь и отступил. Лестничная площадка была пуста. Снизу хлопнула наружная дверь. Лебедев бросился вниз. Соболев подошёл к перилам.

На ступени лежал серый конверт. Внутри находился один лист.

«Первое письмо предназначалось ей. Это — вам.
Не позволяйте фон Рейну найти шестого раньше вас.
Крестовский уже едет туда, где всё началось».

На обороте:

изображение песочных часов;

цифра «6»;

адрес на Итальянской улице.

— Клуб, — сказал вернувшийся Лебедев. — На улице никого. Экипаж ушёл перед самым моим выходом.

Мария стояла у двери.

— Это был Андрей.

Соболев посмотрел на неё.

— Это был его голос.

— Для меня этого достаточно.

— Именно поэтому недостаточно для следствия.

Она хотела возразить. Не стала.

— Вы никогда его не слышали.

— Нет.

— А я слышала каждый день несколько лет.

— Поэтому человек, который хочет вас убедить, выбрал голос.

Мария закрыла глаза.

— Возможно.

Впервые она сама произнесла это слово.

Соболев убрал письмо.

— Вы едете ко мне. Лебедев — со мной.

— А если Андрей в клубе?

— Тогда либо он очень хочет, чтобы мы его нашли, либо кто-то хочет, чтобы мы нашли человека с его лицом.

Она посмотрела на него.

— Дмитрий Петрович.

— Да?

— Найдите его.

Не требование. Не спор. Простая просьба.

Соболев кивнул.

— Постараюсь.

На лестнице Лебедев спросил:

— Если бы пришлось выбирать сейчас — настоящий Андрей или двойник?

— Не стал бы.

— А внутренне?

Соболев застегнул пальто.

— Человек, оставивший письмо, знает слишком много о квартире, Андрее и Марии. Это важнее лица.

— Значит, мог быть он.

— Мог.

— Или тот, кому он доверял.

— Да.

Лебедев вздохнул.

— С вами невозможно закончить мысль.

— Зато меньше приходится начинать расследование заново.

Они вышли на улицу.

В кармане Соболева лежали два письма официально мёртвого человека.

У Лебедева — часы, которые могли никогда не находиться возле тела Андрея.

Впереди ждал клуб, созданный фон Рейном.

А где-то между этими точками находился тот, кого Андрей называл шестым.

И впервые Соболев подумал, что самый опасный человек в этой истории может не отдавать приказов вообще.

Ему достаточно научить других считать чужую волю собственной.

Часть вторая. Партия.

Глава VII. Дом без хозяина

«Дом, в котором слишком долго хранят чужие тайны, однажды начинает казаться их настоящим владельцем».

Из записок судебного следователя А. Р., 1898 год

Клуб «Шестой час» располагался на Итальянской улице в старом двухэтажном особняке без вывески.

Только небольшая бронзовая пластина возле двери. Песочные часы. Никакого названия.

К тому времени, когда экипаж Соболева остановился у тротуара, начинало темнеть. Мартовский снег перешёл в мелкий дождь. Камни мостовой блестели под фонарями.

У входа стоял полицейский агент.

— Никто не выходил?

— После нашего прибытия — нет.

— А до?

— Швейцар говорит, Аркадий Павлович Крестовский приехал около часа назад.

— Один?

— Да.

— Уехал?

— Не видел.

Соболев посмотрел на окна.

На первом этаже светились три. На втором — одно.

— Управляющий внутри?

— Да. Очень недоволен.

— Это переживём.

Лебедев первым поднялся на ступени.

Дверь открыл пожилой швейцар в тёмно-зелёной ливрее. Он уже знал, кто пришёл.

— Господа члены клуба будут крайне обеспокоены вме-

шательством полиции.

Соболев переступил порог.

— Передайте им мои сожаления.

— Это частное общество.

— Сегодня оно связано с двумя убийствами, одним отравлением и исчезновением человека. Частность несколько уменьшилась. Швейцар поджал губы.

Внутри было непривычно тихо. Большой холл отделан тёмным деревом. На стенах висели часы. Десятки. Каминные, настенные, корабельные, маленькие французские часы под стеклянными колпаками. И почти все показывали разное время.

Лебедев огляделся.

— Почему так?

— Традиция клуба, — ответил швейцар. — Господа приносили часы из разных городов.

— И никто не заводит правильно?

— Некоторые намеренно оставляют как есть.

Соболев остановился возле массивных английских часов.

Они показывали шесть. Хотя было почти семь. Маятник шёл.

— Почему клуб называется «Шестой час»?

Швейцар заметно насторожился.

— Лучше спросить Александра Константиновича.

— Основателя?

— Да.

— Он давно не бывает?

— Последние годы редко.

Они прошли дальше. Управляющий ожидал в библиотеке.

Леонид Борисович Артамонов оказался невысоким полным мужчиной лет пятидесяти. Белоснежный воротник, аккуратная борода, мягкие руки человека, который никогда не занимался физическим трудом.

Он держался вежливо.

Слишком вежливо.

— Господин Соболев, клуб всегда уважал закон, однако обыск без соответствующего распоряжения...

Соболев положил на стол записку, полученную у квартиры Марии.

Артамонов прочитал. Лицо почти не изменилось.

— Печать клуба.

— Значит, настоящее письмо?

— Я сказал только о печати.

— Кто имеет доступ?

— Секретарь, управляющий, председатель собрания.

— А Крестовский?

— Как член правления — да.

— Фон Рейн тоже?

— Как основатель мог получить когда угодно.

— Андрей Львов?

Артамонов посмотрел внимательнее.

— Был членом.

— Имел ключи?

— От личного ящика.

— Номер?

Пауза.

— Шесть.

Лебедев усмехнулся.

— Сегодня эта цифра преследует нас с особым усердием.

Соболев продолжал смотреть на управляющего.

— Крестовский должен был приехать сюда час назад.

— Да.

— Где он?

— Не знаю.

— Выпустили человека и потеряли его внутри собственного клуба?

Артамонов слегка покраснел.

— Он прошёл в нижнее хранилище. Там у членов личные ящики. Я не обязан следить, сколько времени они проводят у своих документов.

— Он вышел?

— Через главный вход — нет.

— Другой выход есть?

— Есть служебный.

— Кто его охраняет?

— Никто. Это клуб, а не крепость.

Соболев поднялся.

— Теперь временно будет крепость.

Он распорядился перекрыть оба выхода.

Хранилище находилось в подвале. К нему вела узкая лестница из библиотеки.

Внизу пахло железом, пылью и старой бумагой. Вдоль стен стояли металлические шкафы, каждый с номером. Ящик Крестовского — двадцать два, был открыт и пуст.

— Он забрал всё, — сказал Лебедев.

Артамонов покачал головой.

— Не всё. Вчера там находился металлический футляр.

— Тот, что мы видели у Крестовского.

— Вероятно.

— Кто принёс?

— Он сам несколько месяцев назад.

Соболев прошёл вдоль шкафов.

Номер шесть находился почти в самом конце. Замок тоже был открыт. Внутри — пустота.

Только на металлическом дне лежал серый конверт.

На нём:

«Д. П. Соболеву».

Лебедев остановился.

— Нас ждали.

— Уже привык.

Соболев осмотрел конверт. Красный сургуч. Песочные часы.

Внутри лежала короткая записка:

«Если вы читаете это, Крестовский уже сделал выбор.

Не ищите его здесь. Ищите дом, в котором закон впервые сделал его богатым».

Без подписи.

На обороте — белая шахматная ладья.

— Новая фигура, — сказал Лебедев.

Соболев перевернул лист.

— Пока рисунок.

— Что значит дом?

Артамонов побледнел. Это было достаточно заметно.

— Вы знаете, — сказал Соболев.

— Возможно, речь об имении Сомовых.

— Рассказывайте подробности.

Артамонов вздохнул.

— Двадцать лет назад Крестовский представлял дальнего наследника вдовы Сомовой. Дело было громкое. После победы получил часть имущества как вознаграждение.

— Законно?

— Формально.

— А неформально?

— Позже появились слухи о поддельных документах.

— Где дом?

— На Чёрной речке.

Лебедев записал адрес. Соболев не торопился уходить.

— Сначала клуб.

Артамонов нахмурился.

— Что именно?

— Всё, что касается Кайсарова, Вельского, Мещерского, Корсакова, Златина и братьев Львовых.

— Это двадцать лет записей.

— Начните с членских книг.

В читальном зале принесли три толстых журнала. Соболев листал сам.

Фон Рейн — основатель. Крестовский — один из первых членов. Вельский вступил в 1893 году. Мещерский — 1894. Корсаков — позже. Виктор Златин — 1898.

Михаил Львов в списках отсутствовал. Андрей — вступил в 1907 году.

— Кто рекомендовал Андрея?

Артамонов посмотрел запись.

— Фон Рейн.

Лебедев поднял голову.

— Значит, они знали друг друга задолго до взрыва.

— Да.

— А Мария об этом не знала.

Соболев закрыл книгу.

— Фон Рейн предпочитает дозировать биографию.

На полях возле фамилии Андрея стоял странный знак.

Маленький круг, пересечённый вертикальной линией.

— Что это означает?

Артамонов пожал плечами.

— Не знаю.

— Вы управляете клубом и не знаете отметки в членской

книге?

— Эти пометки делал прежний секретарь.

— Как его имя?

— Константин Артемьевич Боров.

— Где он сейчас?

— Уехал в Швейцарию.

— Когда?

— Полгода назад.

— Адрес есть?

— Должен быть.

— Найдите.

Лебедев листал другой журнал.

— Дмитрий Петрович.

На странице за 1897 год несколько фамилий были перечёркнуты красными чернилами.

Григорий Златин. Степан Руднев. Ещё два неизвестных человека.

Рядом одинаковая пометка:

«Не присутствует».

Не «умер».

Не «исключён».

— Что это?

Артамонов выглядел уже хуже.

— Старые внутренние записи.

— Кто их делал?

— Не знаю.

— Вы слишком часто не знаете.

Соболев подвинул книгу.

— Руднев исчез после смерти Златина. Вчера его нашли мёртвым. Где он находился пятнадцать лет?

— Я действительно не знаю.

— Но кто-то в клубе знал достаточно, чтобы не написать «умер».

Артамонов промолчал.

В журнале 1891 года обнаружилась ещё одна странность. На отдельном листе, вклеенном позже, были перечислены:

Константин Кайсаров. Алексей Гордин. Михаил Львов. Наталья Кайсарова.

Возле каждого — дата. И короткое обозначение.

«К.»

«П.»

«П.»

«К.»

— Расшифровка есть? — спросил Лебедев.

Артамонов покачал головой.

Фон Рейн, появившийся в дверях, ответил вместо него:

— Контроль и перемещение.

Все повернулись. Соболев нахмурился.

— Кто позволил вам спуститься?

Агент за спиной фон Рейна выглядел виновато.

— Я попросил показать журнал, — сказал тот. — Он решил, что вам это пригодится.

— Решать буду я.

Фон Рейн остановился у двери.

— Тогда спрашивайте.

Соболев указал на обозначения.

— Что такое «контроль»?

— Человек остаётся под наблюдением на прежнем месте.

— «Перемещение»?

— Получает новые документы и исчезает.

— Кто разработал систему?

— Я.

Лебедев тихо выдохнул.

— Наконец начинаем подходить к делу.

Фон Рейн посмотрел на журнал.

— В девяносто первом после смерти Кайсарова несколько свидетелей нужно было срочно убрать из Петербурга. Официальная защита не работала. Я создал сеть частных убежищ.

— Через клуб?

— Клуба тогда ещё не было в нынешнем виде. Только кружок.

— Почему записи потом оказались здесь?

— Потому что часть людей, помогавших мне, стали учредителями.

— Крестовский?

— Да.

— Он подделывал документы.

— Иногда.

— Вы это признаёте слишком спокойно.

— Тогда речь шла о спасении свидетелей.

— Закон нарушали ради добра?

Фон Рейн посмотрел на него.

— Закон не всегда успевает туда, где уже стреляют.

Соболев не стал спорить.

— Руднев?

— В 1897 году должен был получить новые документы.

— Получил?

— Я так думал.

— А потом потеряли след.

— Да.

— Михаил Львов?

— Тоже.

— Ребёнок Натальи?

Фон Рейн задержался.

— Тоже.

— Вы создавали людей без прошлого.

— Временно.

— А кто-то потом начал использовать эти имена.

— Да.

— Когда вы это наконец поняли?

— После смерти Григория Златина.

Соболев вспомнил слова Крестовского.

Система защиты стала системой охоты.

— Значит, Учитель получил доступ к вашей сети.

— Возможно.

— Через кого?

— Я подозревал Крестовского.

Лебедев рассмеялся коротко.

— А Крестовский подозревает вас.

— Это взаимно.

— Почему не закрыли клуб?

— Потому что тогда потерял бы возможность наблюдать.

— И позволили сети существовать ещё пятнадцать лет.

Фон Рейн не ответил.

Соболев посмотрел на него.

Это была не вина убийцы.

Но могла быть вина человека, который слишком долго считал собственную систему управляемой.

— Что означает круг с линией возле имени Андрея?

Фон Рейн подошёл к книге. Лицо стало серьёзнее.

— Не знаю.

Соболев почти усмехнулся.

— Вы не знаете?

— Эта отметка появилась позже. Не моя.

— Когда?

Артамонов перебил:

— Я видел такие символы в старых книгах.

— Где?

Он принёс другую папку. Несколько страниц. Тот же знак

встречался возле людей, которые позже исчезли. Один умер официально. Двое пропали. Трех удалось найти под другими именами.

— Значит, знак отмечает человека, которого собирались вывести из старой жизни, — сказал Лебедев.

Фон Рейн покачал головой.

— Нет. Для перемещения была буква «П».

— Тогда что?

Соболев смотрел на знак. Круг и вертикальная линия. Почти как циферблат без стрелок.

— Часы, — сказал он.

Фон Рейн поднял глаза.

— Что?

— Похоже на часы.

Лебедев наклонился.

— Без стрелок.

— Или с одной.

Соболев вспомнил часы Андрея. Четыре двенадцать.

Часы Вельского. Десять двадцать.

Время в этом деле слишком часто использовали как часть постановки.

— Кто ставил знак?

Артамонов побледнел сильнее.

— Возможно, Боров.

— Почему возможно?

— У него был такой штамп.

— Где штамп сейчас?

— В секретарской.

Комнату открыли. Стол секретаря стоял нетронутым, хотя хозяин отсутствовал полгода.

В ящике нашли набор маленьких печатей. Песочные часы. Шахматные фигуры. Буквы.

Но штампа круга с линией не было.

Зато на внутренней стороне ящика обнаружилась скрытая защёлка.

Под фальшивым дном лежала узкая записная книжка.

Артамонов побледнел.

— Я не знал.

Соболев открыл.

Внутри — даты и фамилии. Большинство незнакомы. Некоторые уже знакомы слишком хорошо.

«Вельский — 14 марта».

«Мещерский — 15 марта».

«Крестовский — 15 марта».

«Златин — 15 марта».

«Корсаков — 16 марта».

Рядом с каждым — шахматная фигура.

У Вельского — белая пешка.

У Мещерского — белая пешка.

У Златина — чёрная пешка.

У Крестовского — ладья.

У Корсакова — конь.

Последняя запись:

«Львова М. А. — без фигуры».

Соболев почувствовал холод.

— Эта книга лежала здесь полгода?

Артамонов почти прошептал:

— Должна была.

— Нет. Записи свежие.

Чернила возле фамилии Вельского ещё не успели выцветсти.

Кто-то пользовался столом секретаря недавно. Возможно, сегодня.

— Кто имеет ключ от комнаты?

— Я. Крестовский. Фон Рейн.

Лебедев повернулся к последнему.

— Список короткий.

Фон Рейн не отвёл взгляд.

— И слишком удобный.

Соболев закрыл книгу.

— Есть четвёртый.

— Кто?

— Тот, кто умеет открывать замки.

На полу возле окна были едва заметные свежие следы грязи.

Окно выходило во внутренний двор. Карниз проходил до соседнего помещения.

— Здесь кто-то был сегодня, — сказал Соболев.

Лебедев открыл створку.

На камне сохранился кусок серой шерсти.

— Пальто.

Соболев вспомнил человека, который говорил голосом
Андрея у двери Марии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.